

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК Советской Юстиции

Москва, Моховая, 4-й дом Советов, кв. 40.
Телеф. 4-27-86, 5-85-54 и 3-93-36.

КОНТОРА: Москва, Рождественка, д. 9 Тел. 1-11-64
и 1-20-85

4-15. | 8—15 апреля 1922 года. | № 14-15.

СОДЕРЖАНИЕ:

К проекту положения о земельных судах—*Лисицын*. „Советская юстиция и РКИ”—*Громов*. „Наказуема ли уголовная идежность”—*Славин*. „К вопросу о юридических пособиях”—*пр. Гродзинский*. „Об организации тюрем на началах самоуправления”—*Б. П.* „Голод и тюремное население”—*Якубсон*. „Вопросы действующего семейного права”—*Рындзюнский*. „Те авторской собственности”—*Савлов*. „По поводу проекта декрета о наследовании”—*Г. С.* „Обзор советского законодательства за время с 19 марта по 8 апреля 1922 г.”—*Аронович*. „Суд и жизнь „Из залы суда особой сессии Московского суда”—*Ростовский*. „Из повседневных заметок судебного работника”—*И-тин*. „Заметки кстати и некстати”—*Плюшков*. „Мнение читателей”—*Д-ин*. Из деятельности Народного Комиссариата Юстиции: „Практика Высшего Судебного Контроля”.—*Хроника*.—Библиография.—Почтовый ящик.—Официальная часть.—Объявления.

К проекту положения о земельных судах.

Народным Комиссариатом Земледелия внесен в Совнарком проект положения о земельных судах. Со своей стороны Наркомюст вносит проект. В чем выражается расхождение между этими проектами.

Если сказать, как лучше организовать земельные суды, необходимо вспомнить в каком состоянии находится разрешение спорных земельных дел настоящего времени и требует ли оно реформы, или же радикальной реформы. Решение спорных земельных дел не было выделено в особую часть, из земельных отделов и в последних это дело занимало второстепенное место. Благодаря этому дела разрешались в основном, без какого-либо обязательного судебного порядка; состав судебных дел был не твердый и случайный между таковыми, как полный состав волисполкома, личное решение заведующего земотделом, поскольку не было ответственного и специального состава, постольку невозможно было обеспечить ясную физиономию каждой инстанции: волземотдел, уземотдел, центральный и центральный отдел землеустройства. Наркомземе не являлись инстанциями в смысле этого слова и эта неопределенность привела к тому, что волземотдел иногда переправлял дела, уже прошедшие стадию губземотдела, уземотдела и губземотдела не имели точной компетенции.

Очень ярко выглядит ненормальность положения из сопоставления ст.ст. 108 и 109 ин-
по применению положения о социали-

стическом землеустройстве (Собр. Узак. 1919 года, № 39—40, ст. 348) и циркуляра Наркомзема и Наркомюста № 43/63 1920 года.

Ст. 108. «Все возникающие при составлении землеотводного проекта споры разрешаются волостным земельным отделом в открытом его заседании, в присутствии составлявшего проект землемера и представителей заинтересованных сторон».

Ст. 109. «Постановление волостного земельного отдела может быть обжаловано*) заинтересованной стороной в семидневный срок в уездный земельный отдел. Жалоба подается через волземотдел, который обязан в 3-х дневный срок со дня подачи жалобы представить таковую со своим заключением в уземотдел».

Из циркуляра № 43/63: «для устранения излишней волокиты устанавливается в виде **основного правила**,*) подлежащего неременному соблюдению, что всякого рода дела, как по землеустройству в тесном смысле, так и по землепользованию, могут быть рассматриваемы только в двух инстанциях: в одной по существу и в следующей высшей в порядке **контроля и надзора****)».

Эта ненормальность теперь устраняется. По проекту дело может пройти следующие стадии: волостной земельный суд, как 1-я инстанция, уездный — апелляционный, губернский — кассационный. Для дел, подсудных в качестве 1-й инстанции уездному земельному суду, апелляционная инстанция — губернский земельный суд и кассационная —

центральный. Решения губернского земельного суда в качестве 1-й инстанции могут быть пересмотрены по существу центральным земельным судом.

Однако, земельные суды Наркомзем предполагает строить **не самостоятельным аппаратом**, а попрежнему — при волисполкомах, уездных и губернских земельных отделах, при этом состав волостного земельного суда чисто крестьянский: председатель — член волисполкома и два члена, избранные от крестьян; а уездный, губернский и центральный земельные суды в составе 5-ти членов: 3-х работников земельных органов, представителя юстиции и представителя от крестьян.

По постановлению 9-го Всероссийского Съезда Советов волостные отделы упраздняются, но Наркомзем возрождает их в лице волостных земельных судов при волисполкомах. Поэтому Наркомюст предлагает организовать **районные, а не волостные** земельные суды, что же касается состава, то как районный, так и уездный и губернский земельные суды образовать по объединяющему принципу: председатель, избираемый уисполкомом или губисполкомом, и члены: в районном представителем от крестьян и член волисполкома соответствующей волости; в уездном и губернском — народный судья и заведующий п/отделом землеустройства. Представитель крестьян — член ВЦИК'а вводится также в центральный земельный суд.

По мнению Наркомюста, необходима правовая устойчивость в области разрешения земельных дел и землеустройства, а этого нельзя достигнуть без создания особого аппарата, между тем Наркомзем, оставляя попрежнему все дело в руках волисполкомов и земотделов, создает в лице судебных коллегий нечто неопределенное из элементов судебных, административных и даже агрономических. Вправе ли крестьянство требовать, чтобы для разрешения земельных дел государство создало квалифицированные и авторитетные органы? Несомненно, и это жизненно необходимо. Но будут ли авторитетны волостные земельные суды — сомнительно по практике волостных земельных отделов; скорее можно опасаться, что это будут волостные суды прежнего типа, в которых всем управлял волостной писарь.

Приближение суда к населению, — мысль преследуемая Наркомземом, — это не значит отказ пролетарского государства от влияния на крестьянство и от улучшения государственного аппарата, а между тем своим проектом волостных земельных судов с чисто крестьянским составом Наркомзем именно этого достигает.

Наркомзем отказался от первоначального своего проекта расширения компетенции земельных

судов до полного поглощения ими всех вопросов, связанных с землепользованием, т.е. отказался от прежнего порядка выделения крестьянства в правовой области в особую категорию, вне общей судебной системы, но, однако, не совсем. Это сказывается в формулировке 3-п. проекта Наркомзема: «ведомству земельных судов подлежат дела по всем видам землеустройства, а также споры о правах на землю и неразрывно связанные с ней постройки и сооружения».

Этой статьей, таким образом, оставляется за специальными органами, какими являются земельные суды (по существу своей работы землеустроительные комиссии), разрешение чисто судебных споров. При существовании товарооборота, аренды, наемного труда и возможности отчуждения строений и т. д. всякие споры об имуществе, в том числе о земле и строениях, если спор происходит на основе определенного законом и компетентным органом права землепользования, должны подчиняться общегражданским законам.

Правильно ли смотреть на крестьянское хозяйство с натурально-хозяйственной точки зрения (периода разверстки)? С точки зрения марксизма и новой экономической политики — это вредная утопия. Регулирование крестьянского единоличного хозяйства должно происходить посредством законодательства, плановой деятельности в области землеустройства и распределения земли, мерами государственного характера (кредит, кооперация, агрономическая помощь, механизация сельского хозяйства и т. д.), а не мелочной натурально-хозяйственной опекой.

Вот почему, отдавая земельным судам (землеустроительным комиссиям) дела по землеустройству, по распределению и наделению земель, Наркомюст все остальные споры, в том числе и семейные разделы, считает необходимым передать в народные суды. Парцелляцию крестьянского хозяйства можно задержать не экономически-реакционными мерами опеки и покровительственного отношения к крестьянской семье, как трудовой хозяйственной единице, а путем законодательного определения минимума владения землей. При существовании такого закона неограниченное право, практиковавшееся в земельных отделах при разрешении дел о семейных разделах — руководиться принципом хозяйственной **целесообразности**, — должно быть заменено помимо земельного закона твердыми **рамками крестьянского, гражданского права**, в частности, законом о праве отдельных членов семьи на определенную часть общего имущества и о порядке выдела.

А. Лисицын.

Советская Юстиция и РКИ.

Хотя в программе IV всероссийского съезда деятелей юстиции и стоял среди прочих вопрос о месте рабоче-крестьянской инспекции, как органе дознания, в общей схеме новой советской юстиции, однако, ни в одном из докладов этот вопрос не затрагивался даже попутно.

И тов. Лунин в своем докладе о судопроводстве, констатируя пестроту и разнообразие органов дознания и следствия в Советской Р и упоминая о существовании следственных аппаратов при некоторых Наркоматах, которые не присвоены следственные функции, то обмолвился ни одним словом о РКИ.

И таким образом, вопросы о роли РКИ, как органа административного дознания и предварительного расследования, о пределах следственных полномочий РКИ, о взаимоотношениях РКИ и судебных органов в сфере осуществления задач правосудия—остались как будто незатронутыми и неразрешенными, хотя Наркомат РКИ в области расследования должностных преступлений и возбуждения судебных дел о злоупотреблениях и правонарушениях—среди других Наркоматов занимает исключительное и первое место.

Между тем все эти вопросы и при новой системе построения юстиции остаются открытыми и едва ли так просто разрешимыми, как может это показаться на первый взгляд, если принять при этом во внимание, что некоторые новые построения проектируемой судебной реформы, как, например, организация прокуратуры, должны, повидимому, поставить на очередь вопрос об ограничении некоторых основных функций НКРКИ.

Прежде всего, до последнего времени НКРКИ являлся одним из органов пролетарской диктатуры, имеющим наблюдение и контроль за быстрым и целесообразным осуществлением декретов и постановлений советской власти», и вообще наблюдающим «за точным исполнением декрета о законности». Кроме того, через бюро жалоб НКРКИ являлся наблюдающим органом по разрешению жалоб и заявлений о неправильных действиях, злоупотреблениях и правонарушениях должностных лиц. (Положение о РКИ, Собр. Узак. № 16—1920 года, ст. 94).

Затем всем органам судебной власти достаточно известно, что огромное количество дел о должностных преступлениях возникает в процессе ревизионной деятельности органов РКИ и возбуждается этими последними. В связи с широким правом этих органов производить ревизионные обследования деятельности всех государственных и общественных учреждений и организаций и открывающейся в виду этого для органов РКИ возможностью наталкиваться при ревизиях на всякого рода преступные уклонения от законности Наркомату РКИ было предоставлено право производства расследований по делам, подсудным ревтрибуналам, и направления этих дел непосредственно в трибуналы (Положение о ревтрибуналах, Собр. Узак. № 22—1921 года, ст. 1 и 8). Если принять при этом еще во внимание право НКРКИ приостанавливать и затем отменять неправильные распоряжения административных органов власти (Собр. Узак. 1921 года, № 49, ст. 254, п.п. 4 и 5), то следует признать: 1) что за органами РКИ с 1921 года узаконено право на производство предварительных следствий и что в ревизионном аппарате этого Наркомата вкраплены следственные функции, 2) что, пользуясь через бюро жалоб правом отмены распоряжений административных должностных мест и лиц, Наркомат РКИ выступает в иных случаях в роли органа административной юстиции и 3) что по делам, возбужденным в судах органами РКИ, представители последних осуществляют прокурорские функции.

Без отношения, конечно, к тому, насколько органы РКИ успешно и удачно осуществляют свои

следственные функции и насколько широко эти органы в действительности пользуются своим потенциальным правомочием—приостанавливать и отменять решения административных властей и выступать на судах через своих представителей в качестве обвинителей,—в настоящее время возникает вопрос, как должна отразиться реформа судебного дела в республике на участии РКИ в деле осуществления принципов революционной законности и правосудия.

Разрешая этот многогранный вопрос, на основании опыта прошлого следует отметить, что до последнего времени Наркомат РКИ, вклиниваясь острым углом в юрисдикцию, благодаря указанным выше—может-быть, черезчур широким—полномочиям оказывался в большинстве случаев слабым помощником Наркомата Юстиции.

Прежде всего, ревизионные производства, направляемые в суды, обычно давали плохой доказательный материал: загромождая судебное дело ревизионными актами и обременяя внимание суда ненужным материалом, эти производства давали слабые материалы **следственного** характера. И это вполне естественно: можно быть прекрасным инспектором и давать блестящие ревизионные обследования, но и самый лучший ревизор всегда будет плохим следователем, тем более, что ревизионное обследование и предварительное следствие по своим методам и целям, настолько различны, что слияние их в одном производстве является nonsens'ом, а разграничение по окончании ревизии актов ревизионных и следственных обычно представляется для ревизионных и следственных органов делом технически трудным и почти невыполнимым.

Кроме того, возбуждение некоторых дел РКИ влекло за собой вместо предварительного следствия длительную волокиту и распыление дела: обнаружив при ревизии те или иные злоупотребления должностных лиц, ревизионный орган сообщал об этом в ЧК или ревтрибунал; следователи, получая краткие сообщения ревизии и выжидая дополнительных сведений, не всегда могли ориентироваться в деле и произвести с достаточной полнотой следствие, а ревизионные акты, нередко с большим запозданием направленные потом в дополнение к следственному производству, изменяли в дальнейшем перспективу дела или требовали разделения производства на части, изменения подследственности и подсудности и т. п. и в результате дело выдыхалось или превращалось в многотомное производство, в котором трудно было разобраться даже самому опытному следователю. Происходило все это, конечно, с одной стороны потому, что Наркомат РКИ считал для себя «изобличение и пресечение преступлений агентов власти» делом второстепенным и никаких инструктивных норм для урегулирования вопроса о разделении ревизионных и следственных работ и о направлении судебно-ревизионных дел и учета их не издавал, а с другой,—за отсутствием Уголовного Кодекса и точных законов о подсудности,—квалификация преступных деяний и правильное направление уголовных дел по подсудности—представлялось делом значительно трудным.

Приостановление и отмена решений административных властей органами РКИ наталкивались нередко на ведомственное сопротивление, которое нужно было преодолеть, а нередко и на полное игнорирование требований органов РКИ, особенно со стороны местных властей.

Выступления представителей РКИ в судах в качестве обвинителей практиковались редко, так как суды не всегда считали необходимым вызывать представителей РКИ в качестве обвинителей, да и самые выступления инспекторов-ревизоров в качестве прокуроров не могли дать удовлетворительных результатов, так как одно дело установить ревизией полную картину работы подотчетного учреждения или предприятия со всеми его дефектами и нестроениями, и другое дело — сгруппировать улики и доказать виновность тех или других лиц в обнаруженных ревизией должностных преступлениях.

При новой постановке вопроса о судопроизводстве и вопрос о возбуждении уголовного преследования, в особенности по должностным преступлениям, должен получить новое направление. При условии организации прокурорского надзора, несомненно, должен быть установлен и предписан в процессуальных нормах порядок, по которому о всех обнаруженных при ревизиях РКИ преступных деяниях должно быть сообщено прокурору, которому препровождаются по окончании ревизии и все акты расследования, относящиеся к данному криминалу. В дальнейшем от прокурора будет зависеть или передать немедленно по получении сообщения от РКИ дело для производства предварительного следствия, или выждать дополнительных актов для разрешения вопроса о дальнейшем направлении дела. Такой порядок диктуется и тем, что значительная часть злоупотреблений и правонарушений, обнаруживаемых в процессе ревизий РКИ, являются должностными преступлениями, предусмотренными 81—91, 93, 94, 96—102 и 115—117 ст. нового Уголовного Кодекса*), которые предположено признать подсудными суду ревтрибунала и которые по существу почти всегда требуют производства технически тщательного и юридически обработанного предварительного следствия. Первоначальное срочное уведомление прокурора о таких обнаруженных ревизией преступлениях необходимо и потому, что в некоторых случаях, по обнаружении таких преступных деяний, требуется немедленное принятие предварительных мер, которые допустимы лишь в порядке следственного производства (арест подозреваемых, обыски, выемки) и на которые не могут быть уполномочены ни органы административной власти, ни РКИ.

В связи с этим разрешается и вопрос о пределах следственных полномочий органов НКРКИ: эти органы не могут впредь разрешать в ведомственном порядке по своему усмотрению вопрос о том или другом направлении ревизионного дела, в котором имеются определенные указания на

признаки должностных преступлений, или распылять дело в длительном процессе чисто ревизионного обследования: работа РКИ по таким делам сведется к производству **начальных актов дознания**, принятию необходимых мер к охранению следов преступления и вещественных доказательств (документов, материальных ценностей и т. п.) и закреплению первых основных моментов дознания. Для этого, вероятно, потребуется издание по Наркомату РКИ в ведомственном порядке соответствующих инструкций технического характера, определяющих порядок и формы производства актов административного дознания. Все остальные дела по маловажным преступлениям, подлежащим передаче народному суду, в переписках могут быть препровождены непосредственно в нарсуды применительно к порядку передачи дознаний органами милиции.

В связи с новой организацией суда укрепятся и получат надлежащую санкцию и решения бюро жалоб РКИ, если эти бюро жалоб сохранятся и не подвергнутся какой-либо трансформации: при отказах со стороны административных властей в исполнении законных распоряжений, органы РКИ могут обращаться к прокурору и последний, как независимый от местной власти блюститель революционной законности, может принять более реальные меры против нарушителей, вплоть до предания последних суду.

Функция общественного обвинения по делам, возбуждаемым РКИ, несомненно отпадает, так как при организации прокурорской власти обвинение по делам о должностных преступлениях, даже подсудных народному суду, должно будет осуществляться государственным обвинителем, а для представителей РКИ останется право лишь поддерживать гражданские иски по взысканиям и начетам, наложенным на виновных должностных лиц. Это перемещение в судебном процессе представителей РКИ будет более целесообразно и потому, что по значительному количеству возбуждаемых РКИ дел требуется участие в уголовном процессе представителя РКИ, производившего ревизию, — не как обвинителя, а как лица производившего дознание, в **качестве свидетеля**.

При указанном разрешении вопросов, надо думать, вопрос о взаимоотношениях РКИ и органов судебной власти найдет себе определенное разрешение в нормах процессуального уголовного права, которые должны установить границы участия отдельных административных органов дознания в деле отправления правосудия.

Наркомат РКИ, с своей стороны, имея юристов-консультантов в составе сотрудников, будет иметь возможность остаться в области юрисдикции подсобным органом республиканской юстиции, пропуская надлежаще проверенные материалы дознания и давая правильную квалификацию деяний по делам, направляемым в судебные органы, и вместе с тем наблюдать за скорейшим продвижением этих дел в судебных инстанциях и вести точный учет этой работы по участию НКРКИ в проведении в жизнь революционной законности.

Вл. Громов.

*) По проекту НКЮ, опубликованному перед IV-м съездом деятелей юстиции.

Наказуема ли уголовная неблагонадежность*).

(Административная и судебная практика).

Судебная практика прошлого года знает такие примеры борьбы с уголовной неблагонадежностью, которые далеко выходят за пределы самой пылкой фантазии крайних сторонников теории опасного состояния.

I.

Почин сделал Центро розыск, который объявил по всей республике «неделю ловли воров». Граждане, имевшие когда-либо судимость за имущественные преступления, арестовывались впредь до особого распоряжения. Пока эта практика мест дошла в порядке жалоб до Наркомюста, многие успели отсидеть больше времени, чем тот срок, который они когда-то отбывали по первоначальному приговору. Только энергичное вмешательство Наркомюста прекратило и ликвидировало результаты этой «недели».

Стала и провинция проявлять инициативу. Так, саратовский отдел управления выносил приговоры в концлагерь на год, два, три. Кто его уполномочил, кто дал административному органу, как отдел управления, такие права?

Но провинция еще скромна. Если отдел управления осуждал в концлагерь явно незаконно, без суда, то он все-таки выносил свой «приговор» на основании определенных конкретных данных, оценки данного конкретного деяния обвиняемого. Но столица смелее.

В конце февраля 1921 года Президиум Московского Совнарсуда по соглашению с Московским управлением уголовного розыска постановил организовать камеру нарсуда при МУУР с тем, что приговоры «должны быть основаны на достаточно серьезных данных о судимости и призодах**), представляемых МУУР и утвержденных начальником МУУР. Направлять осужденных в тюрьму***), предположив начальнику МУУР с достаточным вниманием и осторожно относиться к даваемым МУУР заключениям».

Если оставить без обсуждения положение президиума по адресу начальника МУУР, чтобы он добросовестно исполнял свои обязанности и относился с достаточным вниманием и осторожностью к донесениям своих агентов, то остается непреложным одно, что совнарсуд установил для граждан гор. Москвы и Московской губернии особый состав длящегося преступления, которое за-

ключается в том, что гражданин раньше подвергался приводам или был осужден судом за какое либо преступление. Для суда требуется, согласно постановления президиума совнарсуда, только «достаточно серьезные» данные о судимости и приводах, причем центр тяжести в оценке серьезности данных заключается в материале агентов МУУР, «утвержденным начальником МУУР»****).

Хотя президиум совнарсуда совершенно откровенно обозначил, что приговоры должны быть основаны на данных о судимости и приводах, но МУУР показалось неудобным афишировать перед населением этот новый состав преступления, введенный специально для гор. Москвы и Московской губ. В печатном трафарете заключений по делам этой категории начальник МУУР делает следующий вывод из судимости и приводов арестованных, а именно, что последние дают «полную уверенность в крайне вредном пребывании подобного лица на свободе для республики», а сокрытием своей судимости дискредитируют советскую власть.

Странно говорить о дискредитировании советской власти служащими, скрывшими свою судимость и приводы, иногда неосновательные, от своего начальства, когда сведения о судимости не требуются вовсе при поступлении на должности в учреждение.

Нет надобности доказывать, что такое умолчание о прежней судимости, за которую виновный в свое время понес по суду наказание и которую он фактически имел право считать уже погашенной, не составляет преступления. Такое умолчание не дает материала для вывода, что обвиняемый готов «каждый момент совершить акт, недостойный советского работника». Начальник МУУР в конце заключения просто требует тюрьмы для лиц, признаваемых им подозрительными и имеющих в своем прошлом судимости или приводы, заканчивая заключения словами: «**независимо от отсутствия в настоящий момент какого-либо преступного деяния**».

Казалось бы, что заключения МУУР для суда не обязательны, но народный суд при МУУР воспроизводит почти дословно заключение начальника МУУР. Бланки приговоров народного суда тоже трафаретны и в них отмечается лишь дата, когда приговор состоялся, фамилия, имя и отчество обвиняемого, сведения о его должности и происхождении, количество судимостей и приводов—цифрами—и размер наказания, определяемого годами или месяцами тюрьмы, преимущественно годами*).

Вот какова практика самовольного применения суррогата теории опасного состояния наизнанку.

*) Настоящая статья составляет фактическое продолжение статьи под тем же заглавием, помещенной в № № 8—9 „Еженедельника“; она имеет целью показать, до чего могут дойти в административной и в судебной практике искажения и извращения пресловутой уголовной неблагонадежности.

**) Приводы граждан в розыскной орган власти по подозрению в совершении преступления или для удостоверения личности, не закончившиеся судебным процессом, впервые в судебной практике являются критерием своеобразного суррогата судимости.

***) Курсив наш. Нельзя не отметить, что наша карательная система официально упразднила тюрьмы, заменив их исправительно-трудовыми заведениями.

****) Оригинальность постановления Президиума Совнарсуда выигрывает еще тем, что издавать законы имеет право лишь ВЦИК, а не Президиум Совнарсуда.

*) НКЮ в порядке Судебного Контроля по делу Карпова постановил произвести ревизию камеры Нарсуда при МУУР. Ныне камера закрыта. Определение НКЮ по делу Карпова приведено в XV выпуске материалов НКЮ в моей статье „Наш кассационный Суд“.

II.

Исключительный интерес представляет собой отзывы нарсудей злополучной камеры нарсуда при МУУР, которые они дали ревизии. Приводим наиболее существенные места.

«Народный суд при МУУР создан по постановлению президиума совнарсуда.

Организация названного суда была проведена под непосредственным наблюдением президиума, который дал исчерпывающие инструкции, как в смысле тех задач и целей, которые были поставлены суду, так и в смысле процессуальном».

Каковы были задачи и цели?

«Целью суда было поставлено, с одной стороны—изолировать преступный и особенно опасный уголовный элемент, а именно тех лиц, которые, по тем или иным причинам, формально не уличались в определенных и конкретных преступных деяниях, что не давало возможности предания их суду по обвинению в том или ином преступлении; с другой стороны, проверка и контроль МУУР, дабы избежать ошибки при изоляции лиц, в которую могло впасть МУУР **добившись права изоляции в административном порядке**».

Посмотрим, каковы были процессуальные рамки суда.

«Отсюда особенности и упрощенность судебного процесса, где в первую (?) очередь суд обращался к личности стоящего пред судом гражданина, **а не к содеянному**, и так как все сведения о личности помещались с исчерпывающей полнотой в дознании МУУР и судом проверялись путем личного опроса, при чем сведения о личности эти никогда не оспаривались подсудимыми, то судебные протоколы, как не имеющие большого значения, не велись с такой подробностью, как при нормальном процессе. Во всех остальных деталях процесс в суде при МУУР ничем не отличается от «нормального»... Далее, в случаях необходимости, «суд передавал дела в народные суды по месту задержания, ибо суд при МУУР не обладает достаточным аппаратом для вызова свидетелей и ведения переписок».

О каких деталях «процесса», кроме опроса о числе судимостей и приводов, может идти речь? Ведь остальное сводилось к чисто технической работе—заполнить бланк именем и фамилией обвиняемого, датой, когда «слушалось» дело, и проставить цифрой количество лет или месяцев (последнее очень редко) изоляции. Тем более, что «содеянного» нет, свидетелей нет и, в сущности, нет и процесса вовсе, а судьба заподозренного гражданина решается на основании записи о судимостях и приводах и в зависимости от физиономических способностей судьи.

«Все время суду надлежало быть особенно чутким, чтобы на основании уголовного прошлого подсудимого и выяснения путем личного опроса его настоящего, отличить **правду от лжи** (?) в объяснениях подсудимого» *).

Какую правду от какой лжи следовало выискивать, если конкретного обвинения не предъявляется, а какие судимости и приводы имеются «обвиняемый» все равно отрицать не может. Судья же руководствовался своего рода нормой обыч-

ного права, установленной МУУР и президиумом совнарсуда... Критерием для предания суду была взята по признаку материальному (?) достоверная известность МУУР о том, что данное лицо является действительным, но неуловимым преступником; по признаку формальному—наличие не менее одной судимости и двух приводов при советском строе».

Другой народный судья откровенно сообщает, что организация камеры нарсуда при МУУР состоялась «по условию (?) между управлением уголовного розыска и президиумом совнарсуда». Словно две договаривающиеся между собою державы!

«В виду изложенного—заканчивает нарсудья свой отзыв—процесс в суде сводился к опросу обвиняемого для проверки сведений о его личности, собранных уголовным розыском». Вернее, не сведений, а трафаретных справок о судимости и приводов и разве еще негласных внесудебных сообщений.

III.

Была еще категория дел в камере при МУУР. Это дела по нарушению 18-й ст. Конституции: «Не трудящийся, да не ест». Борьба с преступным элементом остро поставила на разрешение трудную задачу—как выловить из преступного мира неуловимых для наших Шерлок Холмсов взломщиков и воров всяких мастей и наименований. В сущности эту задачу предстояло решить так, как решают ее во всех государствах—именно, качественным усилием аппаратов розыска, но отнюдь не изоляцией в судебном порядке, при отсутствии конкретных обвинений, массы людей, из которых 90% «изолированы правильно», по признанию самого начальника МУУР'а. Стало быть, 10% совершенно неосновательно.

МУУР, и за ним нарсуд, пошел по иному пути—подвести легальный юридический фундамент под свои приговоры относительно тех лиц, которые имеют в прошлом судимости и приводы и живут без определенных занятий. Тут и нашлась статья 18 Конституции, статья чисто декларативная, помещенная в главе об основных положениях советской конституции. Ход рассуждения таков: раз Советская Республика признает обязанность каждого гражданина трудиться, то неисполнение этой обязанности в рабоче-крестьянском государстве **преступно**. А так как точных указаний о том, что преступно и что не преступно в законе нет, и определение этого предоставлено революционному правосознанию суда, то почему же не считать преступным и подлежащим наказанию праздничатательство и связанный с таким состоянием образ жизни на средства, добытые, очевидно нетрудовым путем.

Правда, борьба с нетрудовым элементом могла вестись—да и велась она везде в советской России весьма успешно—путем насильственного привлечения его к труду и, наконец, административным порядком. МУУР избавил себя от значительной части труда по розыску преступлений и предпочел избрать более легкий путь, где к любому случаю, независимо от того, находится ли данное лицо на советской службе или нет, можно было применить наказание по судебному

*) Везде курсив наш.

приговору *).

IV.

Нет уже камеры нарсуда при МУУР, ответственные руководители совнарсуда заменены новыми работниками, но для нас, судебных деятелей, очень ценно знать ошибки других, чтобы больше их не повторять. В первую очередь, нужно бороться против смешения судебных и административных функций. Между тем, далеко еще не изжиты отрывки смешения суда и судебных приговоров с административными органами и их постановлениями. Пока это будет продолжаться, пока

*) НКЮ придерживается по ряду дел, восходивших в по рядке высшего судебного контроля, точки зрения наказуемости неисполнения гражданами ст. 18 Конституции, не считая ее чисто декларативной статьей.

не прекратится это смешение функций и фактическое подчинение судебных органов административным, никогда не удастся поднять престижа суда, никогда не удастся восстановить даже тень законности, а прокуроры,—если они пойдут по течению,—будут парализованы, бессильны и **ничего** не сделают. Железной метлой нужно гнать иа суда тех, которые делают безнадежными попытки установить революционную законность. Первая задача прокуроров—взяться энергично за уголовные розыски, которые мнят себя самостоятельными, независимыми от суда органами с собственным следственным аппаратом.

Широкое поле для деятельности прокуроров на местах, благодарная задача для Прокурора Республики.

И. Славян.

К вопросу о юридических пособиях.

Чем дальше, тем все более ощутительной становится нужда в юридических пособиях и руководствах, и не трудно понять, что вопрос этот с каждым днем будет стоять все острее и острее. Усложнившиеся правоотношения и новые формы гражданского правооборота, с одной стороны, и переход всей юстиции на «мирные рельсы», с другой,—неизбежно влекут за собой необходимость для судьи зачастую разрешать целый ряд сложных вопросов права, что в свою очередь требует определенных знаний и при том знания не того или иного декрета или циркуляра, но общих положений, основных начал, на которых построено действующее право: только ясное понимание этих общих положений даст возможность судебному деятелю восполнить неизбежно существующие в праве пробелы, устранить противоречия, если таковые возникают, и, наконец, действовать не по мертвой букве, а по духу закона. Невозможность ограничиваться в дальнейшем изучении отдельных декретов, циркуляров и инструкций ясно сознается в настоящее время и в прямой связи с этим находится та нужда в книге, которая так рельефно подчеркнута в статье В. Санцова (см. № 11 «Еженедельника»).

Об издании учебников и пособий говорилось и на IV съезде деятелей юстиции, который высказался за необходимость проведения в жизнь этой меры. При этом съезд не останавливался на всех дальнейших возникающих при этом вопросах, каковы—тип учебников, объем их, программа и т. д.; разрешить эти вопросы надлежит Наркомюсту, при чем необходимо иметь пред собой определенный, продуманный до конца план предстоящей работы, план, основанный на положениях науки, с одной стороны, на практических нуждах момента, с другой. Первое, что надлежит разрешить—это для кого должны издаваться пособия и какова их цель, так как только в связи с этим может быть установлен тип издания. Нет надобности доказывать, что контингент читателей составят, главным образом, судебные деятели, причем нужно иметь в виду тех из них, которые не получили ранее специального юридического образования. По-

скольку в учебниках будут содержаться положения действующего советского права, учебники эти, несомненно, окажутся полезным и для судебных деятелей, прошедших курс юридических наук, но этот момент является привходящим, так как центр тяжести лежит в расширении юридического кругозора лиц, чувствующих в этом настоятельную нужду. Отсюда следует, что будущие пособия и учебники должны быть написаны популярным языком, при чем нужно тут же оговориться, что популярное изложение это вовсе не понимается в смысле упрощения содержания и сведения его к немногим общим положениям, такой прием приводит лишь к изданию брошюр, где положения научного характера неизбежно будут вульгаризованы, а должно содержать в себе полное освещение всех вопросов данной дисциплины, избегая лишь контrovers (казуистического спора) и несущественных деталей. Поэтому можно было бы сказать, что предполагаемые к изданию руководства должны приближаться к университетским учебникам, отличаясь от них популярным изложением и новым содержанием.

Что касается этого последнего, то оно должно сводиться к изложению основных положений данной науки, иллюстрированному положениями действующего права, причем должно быть достигнуто как освещение общих вопросов, так и систематическое изложение соответствующей отрасли права, для чего потребуются теоретический анализ отдельных правовых институтов, их критическая оценка и объяснение с точки зрения действующего права—его политики и догмы. Таким образом, будущие учебники должны представлять собой теоретическое руководство, излагающее действующее советское право, но ни в коем случае так называемые практические пособия типа справочников и подробных инструкций, эти последние издания имеют право на существование и даже необходимы, но они не только не исключают, но даже предполагают наличие учебников указанного выше типа.

По каким дисциплинам должны иметься учебники? Самой собой понятно, что желательно издание их по всем отраслям права, но это может

оказаться не всегда осуществимым, почему должно разрешить вопрос в том смысле, какие учебники возможно и наиболее необходимо издать в ближайшее время. Думается нам, что такими первоочередными могут явиться учебники административного права, права уголовного, процессуального; что же касается гражданского права, то если систематическое изложение всего курса является чрезвычайно затруднительным в виду недостаточности законодательного материала и неразрешенности ряда вопросов в действующем праве, все же было бы возможно и необходимо дать руководства, захватывающие отдельные области, каковы: право семейное, обязательственное и также отдельные важнейшие вопросы общей части. Далее, необходимы руководства по вексельному праву, по праву промышленному и по ряду вспомогательных наук, каковы, например, судебная медицина, судебная психопатология и др.

Может возникнуть вопрос, нужны ли такие учебники при наличии кодексов и не было бы правильнее ограничиваться изданием пособия, содержащего в себе комментарий того или иного кодекса, нечто в роде объяснительной записки практического характера. Такая замена учебников вряд ли принесет пользу и скорее окажется вредной. Комментарий, как бы он ни был написан, будет ни чем иным, как обширной инструкцией, которая разъяснит ряд отдельных вопросов, попрежнему оставив скрытыми те общие положения, на которых построен кодекс, и знать которые необходимо для того, чтобы действовать согласно общему духу действующего права. Предстоящее в ближайшее время издание ряда кодексов делает настоятельно необходимым именно издание учебников, которые теперь будут нужнее чем когда-либо.

При отсутствии систематизированного в виде кодекса законодательства судья руководился отдельными законами и инструкциями, которые по самой природе своей могли давать лишь отдельные задания по тому или иному вопросу, почему говорить об общей линии поведения законодателя было очень трудно, при наличии же кодекса эта общая линия имеется и проходит через весь кодекс, почему судья и должен всегда с ней соотнобразоваться, но, лишенный общей юридической подготовки и к отысканию надлежащей нормы, судья

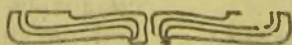
будет идти от одной статьи кодекса к другой, зачастую не уясняя себе их внутреннюю связь, видя противоречия там, где их нет вовсе, и не умея восполнять пробелы, причем все эти трудности тем будут ощутительнее для судьи, что он, привыкнув к толкованию отдельных законов, этот примитивный метод будет применять и там, где имеется кодекс и где зачастую требуется метод анализа, систематического и иного вида толкования.

Все сказанное относится, прежде всего, к кодексам материального права, но касается также и права процессуального. Находящиеся в стадии изготовления уголовный и гражданский процессуальные кодексы не являются только руководствами для судьи, содержащими в себе указания на порядок производства уголовных и гражданских дел, но представляют собой законодательные акты, проникнутые определенными общими положениями, знание которых необходимо судье для сознательного отношения к тому или иному отдельному положению.

К этому нужно добавить, что учение о процессе содержит в себе ряд сложных вопросов, которые процессуальными кодексами разрешаются лишь отчасти и освещение которых предоставлено почти целиком доктрине, таково, в частности, учение о доказательствах, которое, являясь стержнем всего учения о процессе, весьма мало находит себе отражения в статьях писанного права, почему систематическое изложение учения о доказательствах должно занять видное место в будущих учебниках процессуального права.

Итак, по целому ряду дисциплин издание учебников является настоятельно необходимым и чем раньше начнется реализация этого вопроса, тем будет лучше. Учебники эти будут служить руководствами для судебных деятелей, а также пособиями для слушателей курсов права, причем пособия эти будут и теоретическими руководствами, и отчасти даже практическими пособиями, что определится всецело их содержанием и возможно более полным и удачным сочетанием общих теоретических начал с положениями действующего права.

Проф. М. Гродзинский.

Об организации тюрем на началах самоокупаемости.

(По поводу резолюции 5-го Всероссийского съезда заведывающих отделами управления по вопросу о карательной политике)

Вопрос об организации тюрем на началах самоокупаемости, вопреки существовавшей до настоящего времени практики, как у нас, так и за границей, неожиданно успешно разрешен 5-м съездом заведывающих отделами управления, который в принятой по докладу о карательной политике резолюции высказался, что «хорошо проведенная пенитенциарная система должна быть направлена на то, чтобы избавить общество от бремени расходов на содержание преступников и возложить эту работу на них самих. Снятие лагерей с госу-

дарственного снабжения явилось логическим следствием правильного разрешения этого вопроса».

Хотя Наркомвнутделом произведены уже определенные шаги по проведению принципа самоокупаемости тюрем, выразившиеся в проведении через ВЦИК постановления о снятии лагерей принудработ с государственного снабжения, мы все же не можем не высказать большого сомнения в возможности осуществления означенного принципа в общем масштабе для всех мест заключения республики.

Так, обращаясь к существующей практике, следует отметить, что и в западных государствах, где, казалось бы, имелись более благоприятные обстоятельства для проведения начал самокупаемости тюрем, в силу их высокого технического оборудования, значительно удлиненных (сравнительно с нашими) сроков заключения, дающих возможность создать из заключенных хорошо обученные кадры мастеров и продолжительное время пользоваться плодами их работы, этот переход между тем не был осуществлен и государства продолжают нести большие расходы по содержанию тюрем. Причина этого явления заключается в том, что основной задачей тюрьмы все же являются не коммерческие, а исправительные функции, для осуществления которых, часто в ущерб выгоде работы, приходится руководствоваться ее полезностью для исправления заключенных, а также в том, что тюрьмам приходится иметь дело с трудом принудительным, естественно, гораздо менее интенсивным, чем труд свободный.

Если, наконец, теоретически и можно мыслить самокупающуюся тюрьму, исходя из предпосылок, что контингент заключенных в этой тюрьме состоит исключительно из квалифицированных и трудолюбивых работников, вырабатывающих достаточное количество изделий для покрытия расходов по содержанию зданий тюрьмы, администрации, служащих, надзора и самих заключенных, то приближение к таковой постановке дела возможно осуществить в лагерях принудработ, чем в обычном типе мест заключения, и вот почему: основной контингент заключенных в лагерях принудработ состоит из лиц первой судимости, осужденных за преступления, главным образом, против порядка управления. Такие заключенные, в большинстве рабочие и крестьяне или лица интеллигентных профессий, приспособлены к труду и поэтому могут в значительной степени окупать выполняемыми ими работами свое содержание. Иную картину представляет из себя состав заключенных в общих тюрьмах, где, главным образом, содержатся уголовные преступники рецидивисты и профессионалы, в большинстве привыкшие к паразитическому существованию, которых в целях исправления приходится обучать тому или иному труду. Естественно, что при таких обстоятельствах не приходится говорить об интенсивной или даже нормальной производительности труда и большом трудолюбии заключенных.

Переходя к вопросу фактического осуществления начал самокупаемости в лагерях принудработ,

нельзя не обратить внимание на то, что, при существовании постановления ВЦИК о снятии лагерей принудработ с государственного снабжения, из предназначенных Госпланом для заключенных всех мест лишения свободы пайков последние продолжают отпускаться, и в довольно изрядном количестве, для заключенных названных лагерей: комиссией при Наркомпроде отпущено лагерям принудработ на март месяц с. г. 18.000 пайков, а на апрель месяц с. г. 16.300 пайков. Разве это является не государственным снабжением?!

Снятие лагерей принудработ с государственного снабжения произошло так недавно, что сейчас, конечно, трудно судить, осуществляется ли на практике эта мера. Но нельзя не отметить следующего явления, хронологически совпадающего с переходом лагерей на принцип самокупаемости: в 15 губерниях губисполкомами вынесены постановления о передаче лагерей в ведение исправительно-трудовых отделов губотюстов. Нет ли здесь, помимо хронологической, и причины связи? Быть может губисполкомы, ближе стоящие к жизни, находят невыполнимым распоряжение центра, переводящего лагеря на самокупаемость и ликвидируют их, как таковые. Но тогда это нельзя называть успешным выполнением взятой на себя задачи и заявлять на с'езде о рациональности для наших тюрем принципа самокупаемости.

Категорически опровергая вышензложенными доводами возможность перехода в недалеком будущем наших тюрем на начала самокупаемости, ЦИТО, вместе с тем, учитывая всю тяжесть расходов республики по содержанию заключенных, прилагает все усилия к содержанию тюрем «на началах возможной безубыточности», т.-е. наибольшего сокращения расходов государства за счет поднятия производительности труда заключенных. Для этой цели в ЦИТО производится напряженная работа по оборудованию тюремных мастерских, организуются промышленные предприятия, обслуживаемые трудом заключенных, и так далее. Помещенные в отчетах ЦИТО сведения дают ясную картину о размерах произведенной в этом направлении работы. В ближайшем будущем, вероятно, удастся снять с государственного снабжения и перевести на начала самокупаемости несколько наиболее устроенных трудовых сельскохозяйственных колоний и переходных исправдомов, но повторяем, что это будет исключения, а не общее правило.

Б. П.

Голод и тюремное население.

Связь экономических условий с преступностью давно уже стала своего рода аксиомой в науке уголовного права. Для всех почти уже очевидна та истина, что чем хуже экономические условия страны и народных масс, тем больше растет в ней преступность, иначе говоря, чем труднее становится раздобыть хлеба на воле, тем больше кандидатов на казенное «бесплатное» содержание в тюрьме. Вот почему всегда и везде годы высоких хлебных цен совпадают с годами высокой преступности и наоборот.

Последние тяжелые годы России,—когда борьба за существование в ней стала особенно суровой, можно смело сказать—годы возрастающей преступности. Нет никаких оснований предполагать отступление в этом отношении России от общего социологического закона. К сожалению, подтвердить это статистически пока все еще представляется трудным. Мы все еще вынуждены оперировать неполными, к тому же еще часто только косвенными, данными. Такой же косвенный материал по вопросу о росте преступности в России пред-

ставляет и настоящая статья. Мы проследим по тюремному населению влияние ухудшения материального положения на преступность.

Страшнейшее стихийное бедствие постигло и без того мучившуюся в тисках блокады и разрухи Россию. И вот, на фоне общих страданий несколько отдельных губерний особенно выделяются тяжестью своего бедствия. На них то мы и попытаемся проследить влияние голода на преступность в современной обстановке. Должны, однако, оговориться, что нашему наблюдению доступна только часть преступных элементов, именно та, которая попадает в тюрьму. А попадает, ведь, сюда в силу своеобразной уголовной политики советской власти и некоторых других специального характера условий, далеко не весь преступный мир. Скажем точнее—большая часть совершивших то или иное преступление в тюрьму не попадает, так что объектом нашего исследования будет служить весьма ограниченная часть этого мира. Все же с некоторой долей вероятности можно по этой части судить и о целом. Констатируя изменение количества и состава заключенных в отдельных районах республики в иной степени, чем во всей стране, мы можем заключить о влиянии тех специфических условий, в данном случае голода, в которых они находятся.

Районом для нашего настоящего исследования мы берем следующие губернии: Астраханскую, Вятскую, Самарскую, Саратовскую, Симбирскую, Уфимскую и Царицынскую. В этих губерниях в ведении ЦИТО Наркомюста состоят 36 разных мест лишения свободы с 10-тысячным тюремным населением. При своевременной карательной политике, когда ссылки нет, когда отбывание наказания лишением свободы, как правило, происходит преимущественно там, где состоялся приговор, можно смело сказать, что тюремное население представляет собой плоть от плоти и кость от кости местного населения.

Происходит ли какое-нибудь массовое контрреволюционное движение, развивается ли «зеленая армия», и, наоборот, идет ли спокойное, нормальное строительство—все это сказывается на населении тюрьмы: то преобладает число заключенных, состоящих под следствием за Чрезвычайными Комиссиями, то грозно вырастает процент приговоренных за дезертирство и проч. воинские преступления, то, наконец, на первый план выступают имущественные преступления. Вот за этими-то вариациями следя, можно уловить некоторые факторы современной преступности. Как же обстоит с голодом в Поволжье в смысле подобного фактора преступности. Раньше всего отметим факт большего роста количества заключенных в общих местах лишения свободы в наших «голодных» губерниях, чем в прочих местах заключения. Так, если взять число содержащихся на 1-е декабря 1921 года заключенных за 100, то получим следующее движение населения в:

местах лишения свободы 7-ми голод. губ.		остальных м. л. св. Республики.
100,0	Декабрь 1921 г.	100,0
101,0	Январь 1922 г.	92,8
105,2	Февраль 1922 г.	96,0
110,2	Март 1922 г.	99,8

Календарь преступности всегда выделял зиму, как высоко-«преступное» время года—больше нужда, труднее живется бездомному пролетарию, тяжелее чувствуется конфликт между потребностью и возможностью его удовлетворения и чаще совершаются преступления, ведущие в тюрьму. Но почему же та же зима вызывает неодинаковое увеличение числа совершенных преступлений в разных местах. А потому, что если везде плохо, то в голодных губерниях ужасно, и неминуем там прогрессивный рост преступности. И никакие разгрузки, никакие послабления в смысле наказания лишением свободы тюрьму не опорожняют—там, где на свободе умирают от голодной смерти, люди часто с радостью меняют ее, свободу, на маленький кусок хотя бы черствого хлеба. Что это так, нам показывает ноябрьская амнистия—не успели места в тюрьмах остыть после массового освобождения амнистируемых, как все они опять были заняты.

Нужда не ждет. Принимаются, правда, и другие меры для уменьшения тюремного населения—реже применяется лишение свободы, как мера пресечения. Все больше и больше падает процент подследственных среди заключенных:

в декабре	53,9 %	всех заключенных
„ январе	45,4 %	„ „
„ феврале	42,9 %	„ „
„ марте	39,3 %	„ „

а общее число заключенных, как мы видели выше, все же увеличивается. И растет это число именно от нужды. Это видно из того, что процент заключенных среди содержащихся в местах лишения свободы «голодных» губерний и приговоренных как-раз за уголовные преступления значительно возрос.

А. Приговоренных за кражи и прочие имущественные преступления, включая и должностные,

б ы л о:

	декабрь	январь	февраль	март
1920—21 г.	28,3%	35,6%	21,4%	30,3%
1921—22 г.	48,3%	47,3%	53,3%	54,3%

Б. Приговоренных за преступления против личности

б ы л о:

	декабрь	январь	февраль	март
1920—21 г.	2,2%	2,5%	2,9%	3,5%
1921—22 г.	3,7%	5,5%	4,9%	4,3%

Сравнение соответствующих цифр для «голодных» губерний и всей России нас еще больше убеждает в правильности вышесказанного. Так, следующие 2 ряда цифр показывают:

		Имущественные преступления.		Преступления против личности.	
		В м. л. св. годовых губерний.	В м. л. св. всей России	В м. л. св. годовых губерний	В м. л. св. всей России
Февраль	1921 г.	21,40/о	35,40/о	2,80/о	3,40/о
"	1922 г.	53,30/о	48,50/о	4,90/о	3,10/о

К тому же выводу должно прийти при рассмотрении движения процента заключенных по учреждениям, за которыми они числятся или кото-

рыми приговорены были. На долю «нормальной» юстиции—народных судов и нар. следователей, которым преимущественно подсудны уголовные преступления—вместо $\frac{1}{4}$ всего состава заключенных в прошлом году приходится около одной половины в этом голодном году.

Так, на 100 заключенных приходилось числящихся за народными судами и нар. следователями:

	декабрь	январь	февраль	март
в 1920—21 г.	20,3 ⁰ / ₀	26,3 ⁰ / ₀	27,1 ⁰ / ₀	25,5 ⁰ / ₀
в 1921—22 г.	50,1 ⁰ / ₀	42,2 ⁰ / ₀	43,5 ⁰ / ₀	47,3 ⁰ / ₀

а сопоставив со всей Россией, получаем еще более рельефную разницу.

Той же категории заключенных приходилось

	В и. л. свободы голодных губерний.	В и. л. свободы всей России.
в феврале 1921 г.	27,1 ⁰ / ₀	26,1 ⁰ / ₀
„ „ 1922 г.	43,5 ⁰ / ₀	36,2 ⁰ / ₀

Этот небольшой цифровой материал нам ясно показывает, что значит голод: в тюрьме голодно и холодно, в тюрьме тесно и грязно, в тюрьме душно и тяжело, но кошмарная воля в голодном краю еще тяжелее и утомленный от жестокой борьбы за существование, расслабленный от сверхъестественных напряжений побороть царь-голод человек, часто идет на преступление, чтобы попасть в «обетованную» землю, в... тюрьму.

Не забудем же мы, более или менее сытые, об этих несчастных.

В. Якубсон.

Вопросы действующего семейного права *).

IV.

Имущественный выдел жены.

В крестьянском быту весьма часто возникает вопрос об имущественном выделе замужних женщин, уходящих из общей нераздельной семьи. В дореволюционное время этот вопрос вставал перед судом в редких случаях, так как и самые случаи оставления семьи женщинами в виду затруднительности развода были чрезвычайно редки и разрешались волостными судами «по обычаю», т. е., главным образом, на основании мирского приговора, обычно в отрицательном для женщины смысле. Теперь жизнь требует разрешения этой своеобразной проблемы семейного и крестьянского права на основе новых начал, принесенных революцией с ее признанием женского равноправия, семейного и брачного раскрепощения, и в этом на первый взгляд простом вопросе при ближайшем рассмотрении обнаруживаются значительные затруднения и противоречия, главным образом, между кодексом об актах гражданского состояния и существом крестьянских семейно-имущественных отношений. В факте выхода жены из общей нераздельной семьи наблюдаются два типичных случая: уход вдовы после смерти неотделенного сына или брата домохозяина и уход разведенной жены или женщины, признавшей невозможным оставаться в доме мужа или свекра по личным отношениям; в обоих случаях уход этот бывает, по большей части, с детьми и иногда только одинокий.

Возникает вопрос, какие же претензии вправе предъявить ушедшая к оставшемуся и нераздельному семейному имуществу. По большей части, эти претензии разрешаются волземотделами в общей массе семейных разделов. Однако, совершенно несомненно, что и природа и объем прав истца значительно отличается от дел этого рода. Как показывает самое название «раздел семейного имущества», таковой мыслим только между ли-

цами, имеющими одинаковое общее право на делимое имущество, ибо делить можно только то имущество, которое принадлежит всем участникам раздела, хотя и в разных размерах, но все же на одном и том же праве, как это и есть у делящихся братьев, сыновей и прочей родни, связанных с одной стороны, общим происхождением, а с другой, общими же отношениями к данному трудовому хозяйству, субъектом прав на которое все они совокупно являются. Жена (или принятый муж) находится в отношении общего семейного имущества совершенно в другом положении: она не родня ни мужу, ни тем более его семейным, и живет здесь, участвуя в общем хозяйстве, лишь в силу особых отношений к одному из членов общей семьи и притом отношений не постоянного, не абсолютного характера, а лишь поскольку продолжает существовать брак. Кончился он по какой-либо причине,—окончились и эти официальные правовые отношения и связи и остаются лишь только последствия таковых. Невозможность раздела в таких случаях можно с очевидностью вывести еще и из следующих жизненных соображений. При свободе развода, неограниченности числа последовательно заключаемых браков невозможно представить, чтобы семья мужа должна была производить каждый раз по разводе раздел с уходящей женой, это привело бы к решительной бессмыслице и само по себе показывает, что в подобных случаях речь может идти не о семейно-имущественном разделе, а о каких-то других правах и претензиях жены, выбывающей из семьи своего мужа.

Здесь происходит даже и не выдел из общего имущества, а какое-то другое юридическое явление. Какое же именно? Ответом на это может служить определение Отдела Высшего Судебного Контроля НКЮ, опубликованное в № 11 «Ежене-

*) См. «Еженедельник Сов. Юст.» № 12 и 13.

дельника Советской Юстиции» по делу Абакумовых; этим юридическим явлением, этим правоотношением, которое только и может разрешить вопрос, является принцип возмещения ценности труда, вложенного в общее хозяйство. Этот вывод может быть подкреплён ещё и основным положением брачного права, изложенным в ст. 3 кодекса об актах гражданского состояния и говорящим, что брак не устанавливает общности имущества супругов, для которого не имеется никаких изъятий, и это положение сохраняет своё значение как в городском, так и в крестьянском быту.

Итак, в каких же пределах могут быть признаны претензии жены к оставленной ею крестьянской семье? Из изложенного ясно, что прежде всего она имеет право получить обратно ту часть своего приданого, т. е. принесённого ею с собой в дом мужа имущества всякого рода, которое осталось неиспользованным в общей жизни, и обратно, поскольку это приданое износилось, утратилось, по какой бы то ни было причине — ссылаясь, — нельзя требовать ни возмещения его стоимости, ни замены. Затем жена вправе требовать выдачи ей всего приобретённого, заработанного или созданного ею, при том необходимом условии, если это было сделано или приобретено независимо от общего хозяйства, не на почве и не на основе этого трудового коллектива, а исключительно её личным трудом; поэтому на наш взгляд не могут быть удовлетворяемы довольно часто встречающиеся требования о выдаче коровы, взращённой просительницей, или овец, выхоженных ею, и т. п., потому что хотя это и появилось в результате её трудов, но все же на основе и в кругу общего семейного имущества и, наоборот, ей должно было выдано все заработанное ею, например, как портнихой, или приобретённое на заработанные таким путем средства, хотя бы это и было предоставляемо в общее пользование семьи. Сверх этого лично ей принадлежащего и в сущности неотчуждаемого к выделу имущества уходящая жена имеет право еще на некоторую долю из общего семейного благосостояния, ибо, как это разъяснено по делу Абакумовых, жена несет труд внутри семьи, труд этот производительный и результатом его именно и является общее семейное благосостояние, поэтому этот труд

дает право на известную долю общего имущества семьи соответственно продолжительности применения труда и его значительности.

Отсюда ясна и принципиальная разница и проистекающая из нее разница количественного исчисления между обычной формой семейно-имущественного раздела и удовлетворением ушедшей жены за вложенный ею труд, а следовательно, и процессуальная разница разрешения дел по подобным претензиям, которые во всех случаях должны быть подсудны нарсудам, а не земельным органам, ибо основанием для данного требования являются только общие гражданско-правовые отношения, не имеющие никакой связи по существу с правами на пользование землей или сельско-хозяйственными отношениями. Народный суд сего заседателями — крестьянами сумеет разрешить задачу выдела так, чтобы не подорвать хозяйство остающихся, но определение количества и качества предметов, подлежащих выдаче уходящей жене, может быть предоставлено только ему сообразно с фактическими обстоятельствами каждого дела.

Необходимо осветить еще вопрос, который часто встречается на практике и который может затуманить ясность разрешения обсуждаемого вопроса: права жены нельзя смешивать прежде всего с правами детей, с которыми она уходит из семьи, которые совершенно самостоятельны и ни в какой степени не могут ни заменить, ни парализовать ее прав, а затем, если она имеет право пользоваться временно или постоянно содержанием от своего мужа по нетрудоспособности, то и эти алименты не могут лишить ее права на получение удовлетворения выделяемым имуществом, заработанным ею раньше ухода, право на которое возникло ранее, тогда как право на содержание рождается постепенно в течение всего времени по отделении ее от семьи в зависимости от последующих обстоятельств, степени ее болезни, имущественного положения ее и оставленной ею семьи и т. д., т. е. на основании данных совершенно другого порядка. Скорее наоборот, выдача ей более или менее значительного имущества, устраняя необеспеченность, вместе с тем может устранить и необходимость выдачи алиментов.

Григ. Рынцунский.

О защите авторской собственности.

В прошлой статье («Авторское право и литературная камера» в № 9 «Еженедельника Советской Юстиции») мы затронули вопрос о специальных судах по литературным делам, теперь же коснемся вопроса об объектах этих судов.

По смыслу основания этих судов в их компетенцию входит разрешение вопросов как чисто творческого — авторского — права, так и вопросов, связанных с передачей этого права и эксплуатацией продуктов авторского творчества, правом издательским.

Начнем с нарушений этих прав в пределах нашей федерации.

В первую очередь, суду придется столкнуться с делами такого рода: сейчас же после Октяб-

ской революции, когда частные издательства были в кажущемся загоне и издание какой-либо книги было обставлено ужаснейшими формальностями и трудностями, издательская инициатива немного заглохла, но затем, нащупав под собой почву, она увидела, что и при советском режиме можно кой-чем попользоваться, ибо хотя, прежде чем издать книги, приходилось пройти между мифическими Сциллой и Харибдой, перетерпеть все муки земного ада, все же само издание, благодаря услужливости советских органов полиграфической промышленности, обходилось баснословно дешево — и, таким образом, все муки и хлопоты окупались сторицей.

С этого момента и пошла лихорадочная подготовка к развитию частно-издательской деятельности. Предприниматели стали скупать у авторов

их права на произведения. Дело в том, что авторы, убедившись первыми своими попытками на опыте, что издавать в советской России далеко не легко, и потеряв надежду на выгодную эксплуатацию продуктов своего творчества, с удовольствием продавали свои труды предприимчивым «простакам» — издателям за бесценок, внутренне даже торжествуя, что «обдурили» «наивного человечика».

А «наивные же человечики» между тем издавали, что успевали, загребая в дешевое время приличные куши, а с переменой экономической политики и с переходом полиграфических предприятий на хозяйственный расчет и, естественно, с поднявшимися ценами непомерно увеличивали цены на книги — и, издавая теперь купленные ранее рукописи и ставя аховые «золотые» цены, зарабатывают еще больше, ибо авторам уже раньше «уплочено».

Таким образом, к первому разряду дел относятся претензии авторов «продавших» на черзур жалких условиях свои труды еще при СЭП'е и желающих теперь либо восстановить свои права, либо получить дополнительное удовлетворение.

Ко второму разряду дел, подлежащих рассмотрению в литературных камерах, относятся дела о самовольном издании и переиздании трудов.

Издательская этика ныне пошла на смарку и ежедневно можно встретить с вопиющими нарушениями авторского права.

Так, проработав над книгой несколько лет и получив за издание, допустим, в Москве, какие-нибудь гроши, вы можете ежедневно ожидать, что, проходя по улице, увидите в витринах книжного магазина свою книгу в пензенском, тульском или вологодском изданиях. Переиздания эти производятся без ведома и согласия автора и в лучшем случае с обозначением его фамилии, а то и совсем без нее или даже с чужой фамилией. Такая бесцеремонность вошла в систему и, столь грубо нарушая права авторов — творцов, заставляет серьезно подумать о крупных мерах борьбы с таким «издательским бандитизмом».

Конечно, сюда не относятся книги, признанные согласно декрета и положения о Государственном Издательстве достойными Республики; такие книги издаются с разрешения Государственного Издательства и права авторов, либо их наследников, обеспечиваются государством.

К примеру книга Бухарина и Преображенского на шумевшая «Азбука Коммунизма» (нам, к сожалению, не известно «национализирована» она или нет) издана и издается сейчас, по меньшей мере, в сотне различных городов не только государственными и партийными издательствами, но и частными предпринимателями (Киев, Полтава, Омск, Ташкент), и, если мы не ошибаемся, то даже без авторов, и, как мы убедились, с ужасными искажениями по рецепту «НЭП'манов».

Разве это не издательский бандитизм? Разве это не подсудное деяние?

Пойдем дальше. Коснемся прав иностранных авторов.

Если у нас не стесняются с русскими авторами, то с иностранцами и подавно.

Было время, когда Россией еще не было заключено специальных конвенций с иностранными государствами об охране произведений литературы, искусства, графики и т. д., и тогда у нас особенно широко развилась спекуляция переводами. Кто хотел, тот издавал иностранные произведения, переводил, изменял, кромсал и просто списывал, выдавая за свое, никого не стесняясь, никого не боясь, никому не платя. Это был расцвет всякого рода «журналов иностранной литературы», «новых журналов иностранной литературы», «новейших журналов иностранной литературы» и проч., и проч.

С заключением литературных конвенций с Германией, Англией, Францией и др., эта вакханалия прекратилась.

Теперь при отсутствии таких конвенций снова народились любители пожить чужими трудами. У нас издаются всякие «Глобусы», «Запады» и тому подобное литературными контрабандистами, задававшими целью спекулировать на иностранной литературе.

Иностранные авторы, права которых так грубо нарушаются, не преминут потребовать удовлетворения, исходя не из несуществующих ныне конвенций, а просто из сознания справедливости, и мы не сумеем, да и не имеем морального права, им в этом отказывать.

Таким образом, не дожидаясь заключения особых конвенций, литературным камерам придется разрешать такие вопросы, так как отказ от таких дел неминуемо повлечет для нас нежелательные последствия, а именно за границей станут также бесцеремонно относиться к произведениям наших авторов. Принцип взаимности должен здесь быть господствующим.

Наконец, наибольшее из всех зол — это плагиат, свивший себе прочное гнездо в советской федерации. Всякий написавший хоть пять строк, начиная от Ленина и кончая репортером вятских или костромских «Известий», дающий хронику самоубийств или пьянств, не гарантирован от самого наглого и беззастенчивого плагиата.

Безнаказанность плагиата еще более содействует его развитию и тем самым подрывает веру к власти.

Борьба с литературными кражами, искоренение плагиата — должны стать нашей очередной задачей и литературные камеры, и новое авторское право призваны эту борьбу повести.

Литературные камеры будут завалены делами, в этом нет сомнений, ибо уже теперь поступают в народные суды, в особенности в Петербурге, центре издательского барышничества, десятки жалоб на нарушение авторского права.

В. Л. Санцов.

По поводу проекта декрета о наследовании*).

Ознакомившись с проектом декрета о наследовании, напечатанном в 10 номере «Еженедельника Советской Юстиции», я обратил внимание, что в нем совершенно игнорируется институт общей собственности и присущие ему специфические особенности.

Главные черты этого института заключаются в том, что имущество принадлежит в собственность не одному лицу, а нескольким, причем каждый отдельный собственник считается владельцем не реальной, а идеальной части общего имущества, почему лишь все собственники, вместе имеют право пользоваться и распоряжаться общей собственностью и ни один в отдельности. Такого рода особенности общей собственности последствием своим имеют ограничение прав собственности каждого отдельного собственника правами других, установление пользования имуществом на началах общности и тенденцию не распылять имущество путем наследования между неограниченным числом лиц.

Означенные свойства института общей собственности в настоящий переходный момент, казалось бы, дают известные данные обратить на нее особое внимание и поощрять ее в возможно большем размере, как смягчающую абсолютное право индивидуальной собственности.

И если институт общей собственности до сих пор играл в жизни капиталистического общества заметную роль, то теперь, с упразднением права завещательных распоряжений наследодателя, ему суждено сделаться фактором первостепенной важности.

А раз это так, то представляется крайне желательным в общественных интересах, чтобы законодатель, создавая декрет о наследовании, теперь же и в этом же акте создал условия, необходимые для нормального существования и развития института общей собственности, чем и пополнил бы наблюдаемый в декрете пробел в указанном отношении, если этот пробел не предумышлен, к чему, как будто, на основании приведенных выше соображений, у законодателя достаточных оснований не имеется.

Поясним сказанное примером. Допустим, что немунципализированные строения наследует вдова и трое несовершеннолетних детей умершего и что через несколько лет, когда дети достигнут совершеннолетия, мать их умирает. По смыслу декрета о наследовании принадлежащая ей часть имущества муниципализируется, т. е. имуществом будут владеть: в трех четвертях дети покойной и в одной четверти—государство в лице его представителя. Мыслимо ли это на практике? Всякая сдача имущества в наем, ремонт его и проч. мелочи из текущей жизни имущества должны

быть разрешаемы собственниками по соглашению с государством, что создаст, конечно, невообразимую волокиту, так как с мелкой недвижимой собственностью государство заниматься не может. При таких условиях возлагать на государство ведение частями этой мелкой собственности—значит, по меньшей мере, возвратиться к прежнему и создавать чрезвычайно-сложный и некупающий себя государственный аппарат, который на практике доказал свою несостоятельность. А между тем такой порядок вещей с его безконечной волокитой крайне губительно отразится на судьбе имущества, обезценит его, приведет в упадок и для фактических владельцев его будет явно разорительным.

Еще хуже будет состоять в этом отношении дело с мелко-промышленными предприятиями, где при тех же условиях промедление в своевременной закупке сырья, продаже товаров и пр. поведет предприятия в лучшем случае к быстрой ликвидации, а в худшем—к полной гибели.

Какой корректив должен быть внесен в проект декрета, чтобы избежать этих последствий, конечно, дело взгляда законодателя и его социальной политики, но что он необходим и вполне возможен, об этом спорить, повидимому, не приходится.

Примерно, кажется, мыслим и приемлем в данном случае такой компромисс между интересами собственников и государства: ст.ст. 1 и 2 декрета могут быть дополнены примечанием приблизительно следующего содержания: «В имуществе, находящемся в общей собственности нескольких лиц, в случае смерти одного из собственников, при отсутствии предусматриваемых законом наследников, принадлежащая умершему часть, по оценке, муниципализируется, или переходит в собственность государства на общих основаниях, изложенных в 1-й и 2-й ст. декрета, если наличные сонаследники не пожелают выплатить по принадлежности в трехмесячный срок стоимость части вымороченного имущества; в противном случае—часть эта остается в их собственности и делится между сособственниками, оплатившими ее стоимость, пропорционально внесенным каждым из них в уплату денег».

При такой редакции означенного примечания государство фискально ничего не теряет от предоставления вымороченной части имущества в собственность наличных сособственников и совершенно освобождается от забот о ней в будущем, а сособственники, неся некоторые жертвы в пользу государства, приобретают за это соответствующий имущественный эквивалент и могут продолжать владеть и распоряжаться своим общим имуществом попрежнему, чем обеспечивается сохранность имущества и правильность функционирования предприятий, указанных в 1 и 2 ст. обсуждаемого проекта декрета о наследовании.

Г. С.

*.) Печатается в дискуссионном порядке. Редакция.

Обзор советского законодательства

за время с 19 марта по 8 апреля 1922 г.

Из декретов, опубликованных за обозреваемый период, следует прежде всего отметить:

1. Декрет СНК «о порядке истребования имущества бывшими собственниками от фактических владельцев».

Декрет запрещает бывшим собственникам **предметов домашнего обихода** истребовывать их от фактических владельцев в двух случаях: а) если эти предметы поступили к их теперешним владельцам от соответственных государственных (коммунальных) органов в установленном порядке и б) если бывшим собственником владение предметом, находящимся в обладании **трудящегося**, утрачено не менее, чем за два года до опубликования декрета. Последнее правило не применяется к случаям, когда предметы поступили: а) в фактическое владение через преступление, установленное в судебном порядке, и б) в пользование или на хранение к их фактическому владельцу в силу соглашения с лицом, предъявляющим требование о возврате имущества.

Права бывших собственников на получение вознаграждения за неправильно-реквизированное или конфискованное у них имущество признаются декретом только в отношении того имущества, которое подверглось реквизиции или конфискации после опубликования декрета от 16 апреля 1920 года (Собр. Узак. № 29, ст. 143), если при этом была заявлена жалоба подлежащему органу или суду в течение 3-х месяцев со дня учинения незаконной реквизиции или конфискации и эта жалоба **не была рассмотрена**.

Наконец, **истребование** имущества, признанного до дня опубликования декрета безхозяйным, в порядке декрета СНК от 3-го ноября 1920 года (Собр. Узак. 1920 года, № 87, ст. 442), со стороны его бывшего собственника в порядке п. 10 этого декрета допускается только в пределах двухмесячного срока со дня опубликования настоящего декрета. Декрет ввозбуждает некоторые недоумения—статьей 2 сделано изъятие из правила, изложенного в ст. 1, в пользу **«трудящихся»**, но последний термин не имеет настолько технически определенного значения, чтобы суду в каждом отдельном случае легко было разобраться, кто может воспользоваться льготой, устанавливаемой 2-й ст., и кто не может. Далее **«трудящиеся»** согласно 2 статьи не обязаны, при наличии указанных в ней условий, **«доказывать получение имущества в установленном порядке»**. Под установленным порядком следует, конечно, разуметь законный порядок. Таким образом, из сопоставления 1-й и 2-й ст. декрета вытекает совершенно невозможное юридически положение, будто **нетрудящийся** мог в период после Октябрьской революции «получить» от соответственных государственных органов в порядке, очевидно, снабжения на законном основании непринадлежащее ему имущество. П. 6. примечания 1-го имеет в виду лишь непосредственно лиц, передавших принад-

лежащее им имущество в пользование или на хранение. Значит ли это, что в случае их смерти их законные заместители утрачивают все права на это имущество? Неясен также конец ст. 3-й декрета: достаточно ли для парализования прав собственника на получение вознаграждения за реквизированное у него имущество «рассмотрение его жалобы» **только** тем подлежащим административным или судебным органом, куда подана была жалоба, или необходимо, чтобы решение по такой жалобе вступило в **законную** силу, т.-е., чтобы жалоба была разрешена во всех подлежащих инстанциях. Примечанием 2-м к ст. 3 декрета сохраняется сила за декретом от 28-го марта 1921 года (Собр. Узак. № 21, ст. 134, 1921 года). Значит ли это, что однородный с этим декретом декрет СНК, опубликованный в № 17 Собр. Узак. за 1921 год, ст. 111, утратил свою силу?

2. Декрет ВЦИК «об отмене исчислений государственных доходов и расходов в довоенных рублях» (Изв. ВЦИК № 75 от 2-го апреля).

С изданием постановления все государственные и местные доходы и расходы подлежат исчислению исключительно в дензнаках, согласно особым новым тарифам, вырабатываемым Наркомфином. Для расчета по договорам, заключенным до издания декрета, будет создан особый ликвидационный курс. Декрет вызван необходимостью устранить неправильности в исчислении доходов и расходов (государственных и местных), вызванные тем обстоятельством, что курс довоенного рубля, объявляемый Наркомфином и Госбанком, утратил всякое реальное значение и получил характер простой фикции.

3. Декрет СНК «о кассовых операциях государственных предприятий и учреждений» (Изв. ВЦИК от 7-го апреля, № 79).

Декретом все государственные учреждения и предприятия обязываются вносить на текущий счет в госбанк всю принадлежащую им кассовую наличность, за исключением сумм, необходимых на текущие расходы и на уплату жалованья служащим. Вместе с тем расчеты со всякого рода частными контрагентами государственные учреждения и предприятия обязаны производить посредством чеков, аккредитивов и т. д., а друг с другом—путем перечисления текущего счета на другой. Установленный способ расчета в некоторой мере сократит потребность в наличных дензнаках, а следовательно, и их эмиссию.

4. Декрет СНК «о снятии государственной топливной промышленности с государственного снабжения и об оплате топлива» (Изв. ВЦИК от 26/III—№ 69). Содержание декрета явствует из его заглавия.

Кроме вышеуказанных, за обозреваемый период, были опубликованы следующие декреты:

5. «О взимании таможенными учреждениями складочного и канцелярского сбора». (Изв. ВЦИК № 65 от 22-го марта).

6. «О вознаграждении лиц, неправильно обложенных трудгужналогом» (там же).

7. «О приостановлении действия ст. 5-й постановления СНК от 14-го апреля 1921 года «об обеспечении рабочих и служащих при временной нетрудоспособности» (Собр. Узак. № 70 ст. 561/1921 года) впредь до проведения в жизнь социального страхования рабочих и служащих на случай временной утраты трудоспособности (Собр. Узак. № 79, ст. 682—1921 года)».

8. Постановление Президиума ВЦИК «о распространении декрета СНК от 30/1—22 г. о горном надзоре на все автономные и союзные советские республики» (Изв. ВЦИК № 67 от 24-го марта).

9. Постановление ВЦИК «об упразднении чрезвычайных органов борьбы с незаконным использованием транспорта и о передаче их функций транспортному отделу Госполитуправления» (там же).

10. Декрет СНК «об оплате коммунальных услуг» (Изв. ВЦИК № 68 от 25/III—22 года). Согласно декрета, с 1-го апреля 1922 года плата за услуги предприятий коммунального характера взимается со всех, без исключения, потребителей наличными дензнаками. Для рабочих и служащих государственных, приравненных к ним профессио-

нальных и общественных учреждений и предприятий, устанавливаются прибавки к основной заработной плате.

11. Постановление СТО «о прекращении возвращения из красной армии специалистов и студентов» (там же).

12. Декрет СНК «об обеспечении лиц, командированных на рабочие факультеты» (там же).

13. Постановление СТО «о ветеринарных работниках» (Изв. ВЦИК от 26/III—№ 69).

14. Постановление СТО «об отчетности государственных, кооперативных, частных (собственных и арендованных) и концессионных предприятий перед государственными учреждениями» (там же).

15. Постановление Президиума ВЦИК «о приеме красной армии к красной присяге» (Изв. ВЦИК от 28-го марта, № 70).

16. Его же «об устройстве при ЦКпомголе особого комитета, находящегося в ведении Наркомпроса, по устройству заграничной выставок русских художников» (там же).

17. Декрет СНК «о вознаграждении лиц, состоящих в частях особого назначения, за пропущенные рабочие часы и дни» (Изв. ВЦИК от 7-го апреля, № 79).

В. Аронович.

СУД и ЖИЗНЬ.

Из залы особой сессии Московского Совнарсуда.

Громкие процессы о ритуальных преступлениях, которые в свое время организовывались царской властью и кое-где в «просвещенных» странах запада — процессы в роде знаменитого дела Бейлнса и другие процессы в этом роде — преследовали цель отравить ядом ненависти одну часть населения против другой — но, в конечном счете, всегда служили дискредитированию самих закулисных организаторов.

За четыре года господства пролетариата стали уходить в область преданий эти бессмысленно дикие обвинения в совершаемых будто бы евреями ритуальных убийствах — как вдруг не где-нибудь в далеком, глухом медвежьем углу, а здесь, в Москве, в самом центре некоторая игра случая, то, что уже почти ушло из сознания даже невежественного человека, но, очевидно, не совсем, не окончательно было изжито, взбудоражило на миг сознание самых невежественных людей. Дело было в следующем.

Еврей Гиндин, 75-ти лет, избравший себе профессией относу на кладбище (за отсутствием транспорта) из эвакуационной больницы умерших еврейских детей, намеревался с трупом ребенка 1 года, завернутого в одеяло, сесть на трамвай. Какая-то женщина обнаружила, что Гиндин несет труп ребенка, ей вспомнилась старая легенда о ритуальных убийствах. Сомнения ее поддерживаются черносотенным элементом, который можно найти в любой толпе. Раздаются магические слова: «бей жидов» — и психологически обстановка готова для того, чтобы черным ошам половить рыбу в мутной воде.

Однако, вопрос был быстро выяснен. Тут же весь этот инцидент был тщательно расследован. Медицинским осмотром констатировано, что смерть ребенка была естественная и мальчик еврейского происхождения, была установлена личность Гиндина, который, не имея возможности иным путем добывать себе хлеб, занимался этим далеко не веселым и не легким делом — переноской трупов еврейских детей из больницы на далекое кладбище.

Любопытна игра случая, что тот же еврей лишь неделю тому назад навлек на себя почти такое же внимание толпы при переноске им трупа также еврейского мальчика 8-ми лет. Тот случай был расследован в ГПУ.

В результате всего этого перед особой сессией Московского Совнарсуда в качестве обвиняемых предстал и этот самый злополучный еврей Гиндин, по обвинению в нарушении санитарных правил и общеустановленного порядка при погребении, заведующий кладбищем Фуке, поручение коего столь неудачно исполнял выживший из ума престарелый Гиндин, комендант больницы, где умер ребенок, который допустил выдачу в таком виде трупа. Обнаружено, кроме того, что первый труп ребенка был изгрызан в покойничкой крысами. Перед судом предстали и герои другого рода. Трамвайная стрелочница и несовершеннолетний барышник театральными билетами, одни из тех, которые возбуждали толпу, настраивая ее враждебно против евреев, делая выкрики, призывая к расправе и т. д.

Московский Совнарсуд обнаружил особенное умение быстро и хорошо организовывать процессы большого общественного значения. Через 24 часа в битком набитом зале Политехнического Музея уже слушалось дело. Обвинение представлено видным представителем московского комитета РКП — старым партийным работником тов. Стуковым. Защитники (двое) на своих местах. Экспертиза в лице выдающихся знатоков своего дела — профессор Бунаков и раввин Мазе. Свидетели палицо.

Суд приговорил к принудительным работам коменданта больницы за беспорядок, допущенный им в самой покойницкой, где крысы имели возможность грызть трупы. Суд усмотрел также вину коменданта в том, что трупы им выдаются на руки без принятия мер к переноске или перевозке в соответствующих ящиках (гробах).

Не ушел безнаказанно, а приговорен тоже к принудительным общественным работам заведующий еврейским кладбищем гр. Фукс. Ему вменено в вину то, что он дал поручение Гиндину доставить труп на кладбище, хотя у него был уже печальный опыт, когда старик так неудачно переносил труп восьмилетнего мальчика Рабиновича, уронил его и собрал любопытную толпу, дав повод для провокаторских выступлений темных личностей.

Ему, Фуксу, это тем более непростительно, что он, как бывший адвокат, «обязан более тонко разбираться в могущих быть последствиях подобных поступков» (из речи обвинителя).

Людей из толпы, каковыми являются трамвайная стрелочница Романова и барышник театральными билетами Серафимов, будировавших ее, но, по признанию суда, действовавших бессознательно, представляющих из себя лишь орудие в руках провокаторов черносотенцев, истинных человеконенавистников, — суд приговорил к общественному порицанию. По человечеству суд отнесся к забитому, загнанному и эксплуатируемому старику-еврею, так злополучно переносившему трупы из желания заработать свой горький хлеб.

Суд его оправдал и предложил собезуответить его всем необходимым.

Приговор был с удовлетворением выслушан многочисленной публикой, собравшейся послушать интересный сенсационный процесс. И не успели ядовитые цветы человеконенавистничества расцвести, как их уже нет — и тут этим процессом выявилось, какое могучее общественное воспитательное значение имеет суд. Суд буржуазный во всех таких случаях (из истории прошлого) сеет ид сомнений. Неравенство и борьба отдельных индивидов, являющиеся сущностью буржуазного строя, переходящие в борьбу наций угнетенных и угнетающих, — этот антогонизм буржуазный суд поддерживает и еще более углубляет; суд же пролетарский ставит себе задачи иные и его цели — борьба с пережитками старого времени, пред-рассудками, сплочение трудящихся вне зависимости от национальных перегородок.

И. Ростовский.

Из повседневных заметок судебного работника.

I.

К числу ненормальностей, наблюдающихся в некоторых деталях повседневной судебной работы, относящихся переживаемым переходным временем и молодостью юстиции, относятся и наши своеобразные способы изучения дел.

Изучение в полном и строгом смысле этого слова, столь усердно рекомендуемое некоторыми авторами юридической литературы, вплоть до переписывания всего дела лист за листом, давно отошло в область предания.

Сплошь и рядом, председательствующие судьи, вынужденные брать на дом «для изучения» по десятку и более дел, выходя для слушания дела, знакомятся с ним лишь из оглашаемого обвинительного заключения, или возлагают все надежды на обвинителя, в особенности, если последний достаточно опытен или обладает способностью быстро «схватывать существо дела».

Не в лучшем положении и представители обвинения: если судьи вынуждены одновременно знакомиться с десятком, а то и с несколькими десятками дел, то обвинители, при их анекдотической малочисленности, выступающие почти ежедневно, иногда одновременно в нескольких судах и по нескольким делам, да еще вызываемые судами для поддержания обвинения весьма часто накануне, а бывают случаи, и в самый день слушания дела, естественно, не могут и помышлять о классическом «изучении» дел, а вынуждены лишь ознакомиться с существом.

Правда, молниеносно быстро текущие великие дни нашей жизни, достаточно приучили нас не только к более быстрой ориентировке, но даже к более быстрому и глубокому восприятию и мышлению.

Правда так же и то, что классические примеры из литературы о великих мастерах судебного слова и дела свидетельствуют, что некоторые из них, как Плевако, часто изучали дело лишь во время судебного следствия и это не мешало им «знать дело», но... «каждому по способностям», и судебная работа много выиграла бы и в смысле подхода к делу с полным его знанием, и в смысле экономии энергии и сил судебных работников при более благоприятных условиях.

В несколько другом положении защитники. Число их гораздо больше числа обвинителей и, кроме того, «разделение труда» в защите с сотоварищами дает возможность защитникам иметь достаточно времени не только для ознакомления, но и для изучения дела. Хотя и здесь наблюдаются иногда экспромтного характера выступления, иногда напоминающие искусство трансформатора: не только накануне процесса, но сплошь и рядом, и в день процесса, чуть ли не посреди его, защитники обмениваются подзащитными.

II.

Самый способный и талантливый судья тот, который умеет составить, написать приговор так, чтобы он был, прежде всего, справедлив, затем — правильно выражен с бытовой и политической стороны, наконец, чтобы, вытекал из всего судебного разбирательства, он ни

по своему обоснованию, ни по своему существу не давал кассационных поводов сторонам.

Выносить такие приговоры — дело большого искусства, павыка, и может быть, и таланта, и, сказать по правде, — много ли у нас таких именно приговоров?.. Очень и очень немного.

Бывают случаи, что и весьма, казалось бы, опытные судьи в мотивировках своих приговоров допускают досадные парадоксальности.

Такой именно вполне опытный и прекрасный председатель одного из желдорреввоенрибов, рассмотрев дело по обвинению желдорагентов в получении взяток за продвижение грузов в голодающие районы, нашел возможным заменить высшую меру — расстрел

для главного виновника 5-ти летним тюремным заключением, для других на меньшие сроки, потому что дело помощи голодающим от их деяний не пострадало.

Это был мотив защиты, доказывавшей, что агенты, получив взятки, тотчас же, без промедления отправляли вагоны в Поволжье, и что, следовательно, дело помгола не страдало.

Приходится ли долго доказывать абсурдность такой мотивировки и невольно напрашивающегося логического вывода: для того, чтоб дело помгола не терпело ущерба и семенные грузы в голодающие районы прибывали во-время, надо желдорагентам давать взятки!?

С. Н.—тин.

Заметки кстати и некстати.

1.

Как было бы нужно.

Нет форм. Нет книг. Нет определенных указаний. Нет, наконец, работников.

Я — уездный работник и могу говорить об уездной работе, как очевидец и как товарищ других таких же уездных работников, тоже жалующихся, что нет форм, нет книг, нет определенных указаний и нет, наконец, работников... Да где же это? — В новообразованных нотариальных столах при уездных бюро юстиции. Нотариальную работу несут случайные работники: либо секретари уездных бюро, либо консультанты; и те и другие и без того имеют свою работу, и работа нотариальная, ответственная и серьезная, является, в конце-концов, немалым пасынком перегруженных и без того своей работой уездных работников юстиции. Да к тому же и работу-то по вновь образованному нотариату вести трудно: есть указания о формировании нотариальных столов, о взимании всевозможных процентных сборов в доход государства, о взимании местного налога и... вот почти и все! А новых нотариальных форм нет, они еще, повидимому, не выработаны; нотариальные «реестровые книги» заведены, но они являются собою жалкое впечатление, ибо это, в большинстве случаев, книги в четвертушку листа форматом и разграфленные для их непосредственного назначения — служить вспомогательными приходо-расходными книгами и... только. А теперь это официальные «нотариальные реестры»!

Все это заставляет работу по нотариальным столам в уезде идти неуверенно и работники, ведущие эту работу нотариата-пасынка, каждый по своему звонят на своей колокольне. И невольно задаются вопросом: а дальше — то что будет, когда придется создавать нотариальные архивы и разбираться в них! Будет очень трудно разбираться, а в иных случаях и невозможно. А провинция, между тем, при новой экономической политике, сразу чутко отозвалась к организации нотариальных столов. Декрет СНК от 8-го августа 1921 года, узаконивший известные сделки с недвижимостями, дал максимум работы уездным нотариальным столам. И эта работа ведется везде по-своему. Регистрировать и утверждать эти акты отчуждений недвижимых имущества надо непременно, отказывать в их регистрации нельзя, ибо тогда все продажи и сделки будут незаконным, ждать участники сделок не хотят, а иногда и не могут, декрет предписывает сделки эти регистрировать, а по-

собий нет, работников (их не хватает и для работы убоиста) по нотариальным столам нет и работа в этом направлении идет так, как заблагорассудится, как бог на душу положит. А ведь, повторю, дело серьезное, ответственное, нужное, интересное, насущно-необходимое и особенно требующее аккуратности и вдумчивости, проверки, просмотра и усидчивой и ничем не отвлекаемой работы.

У меня под руками данные за март по одному из нотариальных столов (уездных); цифры говорят, что стол за этот месяц без определенного работника по этому делу пропустил и утвердил: сделок с недвижимостями — 26 (по всему уезду), засвидетельствовал договоров, актов и проч. — 13 (по городу); взято государственного налога за этот месяц свыше 25 милл. рублей. Если кто знает, как надо работать по нотариальному столу и сколько времени и работы требует совершение каждого акта, то эти цифры говорят, что работа идет. Но ведь, это начало, а затем работа все будет увеличиваться, усложняться и делаться еще серьезнее.

Нужны настоящие книги, определенные нотариальные нормы. В уездах должен быть ответственный (наравне с народным судьей и народным следователем) народный нотариус, который отвечал бы за сделки, будучи под контролем бюро юстиции, и имел бы право подписания всех нотариальных актов (теперь считается заведующим нотариальным столом председатель бюро юстиции, который, тоже перегруженный работой, фактически, именно, только подписывает нотариальные документы. Другими словами, в штате убоиста должен быть как бы нотариальный подотдел с заведующим им — народным нотариусом и хотя бы одним конторским сотрудником.

И тогда можно требовать работы и работа должна идти хорошо и серьезно, ответственно в ответственном деле, где является недопустимым теперешнее состояние «ни шатко, ни валко», «отзвонил — и с колокольни долгой». В порядке надзора и подчинения, будучи контролируемым уездным бюро юстиции, народный нотариус должен отвечать за свою работу и перед нотариальными отделениями губернии при губотюстах, куда должен посылать отчеты о своей работе и откуда должен получать все необходимые инструкции. Конечно, материально народный нотариус должен быть именно государственным и, вместе с тем, народным нотариусом.

II.

Приведите в исполнение.

Выходит из народного суда гр. NN радостный и веселый; у него в руках исполнительный лист, где черным по белому написано: «Именем Р. С. Ф. С. Р. народный суд, рассмотрев такое-то дело, постановил: взыскать с гр. N в пользу гр. NN за то-то и за то-то столько-то миллионов рублей». А внизу написано, что все гражданские и военные власти должны оказывать свое содействие гр. NN в приведении в исполнение решения народного суда. И под этим подписи председателя суда и секретаря, а на обороте надпись: «Исполнительный лист выдан для представления в милицию», которой и поручается приведение исков в исполнение. Также — подписи, печать. Ну, как не радоваться!

Гр. NN передает исполнительный лист милиции; последняя уполномочивает своего агента и тот является к гр. N с требованием выдачи для передачи гр. NN столько-то миллионов рублей за то-то по решению народного суда. А гр. N заявляет: «У меня денег нет». Начинаясь пререкания между агентом милиции и гр. N и, в конце концов, агент милиции уходит не с чем, делает соответствующий доклад своему начальству, тот возмущенно берет к себе исполнительный лист и говорит: «Но как же возиться с описями, с аукционами и прочим!».

Это — в городах. То же в волостях, только в роли исполнителей фигурируют, не агенты милиции, а волостные исполкомы.

И почему же это происходит? Почему законное право гр. NN на вознаграждение иногда затягивается

без реального осуществления до бесконечности, а иногда и совсем не осуществляется?.. Почему так компрометируется престиж суда? — Я на эти вопросы, опять-таки, как работник юстиции в уездном масштабе, могу ответить лишь так: у нас в уездах (не знаю, как в других, но думаю, что и там не лучше), при уездном бюро юстиции как-то самоупразднился судебный исполнитель, его сейчас нет и поэтому решения народных судов по гражданским делам зачастую остаются висеть в воздухе: некому исполнить, некому привести в исполнение и некого фактически заставить привести в исполнение. Что перегруженным своей текущей работой милиции и волисполкомам до престижа суда, до личных интересов гр. NN, да, к тому же, милиция это — орган НКВД и волисполкомы — тоже!

Печально слышать такие рассуждения, как будто мы не все работаем для общей работы. Но это так. Факты за это говорят. И, естественно, секретарь суда, выдающий исполнительный лист радостному гражданину, своим предупреждением, как холодной водой, обливает радующегося:

— Да вы не радуйтесь! Приведите-ка сперва в исполнение, тогда и радуйтесь. Приведите-ка в исполнение!

Это ненормально. Этого не должно быть. Об этом и спорить никто не будет. А если так, то споров не должно быть и по вопросу о том, должен ли быть при уездных бюро юстиции судебный исполнитель или нет. Да, должен быть, непременно должен быть, ибо от его отсутствия страдают интересы суда, а, следовательно, и государства, страдает законность и страдают интересы отдельных граждан.

А. Плюшков.

Из писем читателей.

В каких нищенских материальных условиях, доходящих до примитивности, работает народный суд показывают получаемые редакцией многочисленные письма. Так, один из секретарей нарсуда тов. В. Маммаев (г. Александров, Владимирской губ.) описывает такие бытовые картины.

«Представьте себе канцелярию участкового судьи, состоящую из 2-х человек — судьи и секретаря. Поступает в месяц в среднем до 70 дел. Предварительные дознания, производимые агентами милиции, часто не доследываются, создается переписка и с трудом разбираешься с материалом, то из-за неопытности агентов, то потому, что пишут по старым печатным бланкам и т. д. Иногда получаются такие курьезы: «при сем препровождается вещественное доказательство... акцизный надзорщик, две кофточки... крепостью 40 градусов... столового 30/40... 2 бут. самогона... пишу управляющему акцизными сборами сообщ...». Прежде чем прочитать нужно сделать выборку, что нужно читать. Нужно придать дознанию вид дела, но как? Бланков абсолютно никаких, даже повестки пишутся от руки. В канцелярии нет ничего, хотя бы самого необходимого, все делается примитивным способом — дела имеют вид груды грязно написанной оберточной бумаги и при всем желании и старательности хранятся не в таком порядке, чтобы можно было найти самому, что нужно, а ведь, суд есть учреждение,

где техника делопроизводства имеет большое значение, так как в делах хранятся документы, а также подлинные решения суда. В такой обстановке еще работа курьера, каковую исполняет секретарь, а нередко и сам судья, не мигают их рук также и хозяйственные работы. Выполняя техническую работу, секретарь вытягивает в нее и судью, который отлично пишет и повестки, и копии, и что угодно. Разве это дело судьи? Тов. А. Д. и говорит в № 8 «Еженедельника» (смотри «Суд и Жизнь»): «плох тот секретарь, который, замкнувшись в чисто техническую работу, дальше своей канцелярии ничего не видит». Но не хорош и тот секретарь, который не выполнил самого необходимого по канцелярии».

Автор далее говорит о крайней необходимости увеличения штата, так как работа нарсуда развертывается, об обеспечении материального положения и, как уже отмечалось на страницах «Еженедельника», о несоответствии тарифных ставок ответственной и квалифицированной работе работников юстиции. Между прочим, он замечает, что прохождение курсов для секретарей нужно не для того, чтобы занять более ответственную должность, а потому, что, намереваясь оставаться секретарем, он желает знать законодательство. Плох тот секретарь, который не стремится к изучению законов.

А. Ли-н.

Из деятельности Народного Комиссариата Юстиции.

Практика Высшего Судебного Контроля.

I.

Документы, подтверждающие права на земельные участки и дома, могут быть принимаемы лишь в подкрепление действительного пользования и связи с данным имуществом, а не голого права собственности.

Со дня Октябрьской революции и по настоящее время в спорном владении проживают и пользуются им как истица В. Забелло, так и ответчица К. Стоцкая, причем ответчица занимает дом и большую часть усадебной земли, а истица флигель во дворе с некоторой частью надворных строений.

Истица В. Забелло основывает свои права на том, что, по ее утверждению, все это владение принадлежало ранее матери ее мужа Марине Забелло, умершей приблизительно в 1909—10 г., тогда как, по утверждению ответчицы К. Стоцкой и соответчика с нею по настоящему делу Феодосия Забелло, все это владение принадлежало умершему в 1911 году Ивану Забелло, отцу как Феодосия Забелло, так и мужа Варвары Забелло. В подтверждение этого представлены к делу многочисленные документы и производство до-революционного времени.

Все эти документы, однако же, в настоящее время не могут иметь решающего для дела значения, равно как и формальные обоснования, приводимые каждой из сторон в подтверждение своего исключительного права на спорное имущество, ибо в настоящее время спор должен быть разрешен только на основании ныне действующих декретов и законоположений. Документы, подтверждающие права на земельные участки и дома, могут быть принимаемы лишь в подкрепление действительного конкретного пользования и связи с данным имуществом, а не голого права собственности и имеют значение в меру того, насколько это фактическое отношение к владению проявлено, решающее же значение по действующему праву имеет факт действительного пользования и осуществления своего трудового права на землю.

С этой точки зрения ни одна из спорящих сторон не может быть признана имеющей исключительные права на весь спорный участок, ибо никогда ни одна из них полностью им не владела и, напротив, пользование происходило в том же распределении, как это имеет место и в настоящее время.

Из приобщенного к делу материала видно, что если стать на точку зрения истицы В. Забелло, то она с 1912 г. осуществляла свои права лишь на часть спорного владения, остальное же фактически эксплуатировалось Феодосием Забелло и Ксенией Стоцкой, как его правопреемницей, что устанавливается решениями судебных мест, восстановившими владение Феодосия Забелло, нарушенное Варварой Забелло в 1912 и 1913 г.г. Равным образом, и Феодосий Забелло был ограничен фактически в своих правах на спорное имущество действиями Варвары Забелло, занимавшей определенное место на том же участке и до самого дня революции им пользовавшейся. Из этого необхо-

димо вывести то положение, что как бы стороны ни выводили основные права и на какую бы сторону не встать для их вывода, т.-е. считать ли, что это имущество было наследственное после Марины Забелло, как утверждает истица, или после Ивана Забелло, как говорят ответчики и как подтверждено документами, тем не менее в силу ст. 10 декрета об отмене наследования право их может быть признано лишь в той мере и пространстве, как оно поступило в их фактическое владение и пользование.

В конечном итоге необходимо прийти к заключению, что как за Варварой Забелло, так и за Ксенией Стоцкой должны быть признаны права на спорное имущество в том размере и виде, как оно фактически сложилось с 1912 по 1918 г., почему решение народного суда о признании за Варварой Забелло права на все владение в целом составе не может быть признано в силе судебного решения.

По этим основаниям определено: решения витебского совнарсуда и народного суда признать не имеющими силы и отменить, как по нарушению 10 ст. декрета об отмене наследования, так и в силу п. «в» ст. 2 Полож. о Высш. Судебн. Контроле, и передать дело в другой народный суд для нового рассмотрения на основании вышеприведенных соображений.

II.

При каких условиях можно предъявить гражданский иск к должностному лицу за неправильные действия.

Рассмотрев дело по иску гр. Ф. Ф. Овчинникова к гр. Е. В. Елагину, В. Н. Тихонову и Е. М. Козлову о 72 мерах картофеля по жалобе ответчиков на решение народного суда 4 участка Коломенского у., Моск. г., от 11 июня 1919 г., Коллегия Отдела Судебного Контроля нашла: основанием иска служит то обстоятельство, что ответчики, состоявшие членами сельсовета и комитета бедноты, неправильно произвели у истца Овчинникова отобрание картофеля, который по постановлению комбета был затем распределен между нуждающимися гражданами, при этом ни в заявлении истца, ни в решении суда не содержится никаких указаний на то, что отобранный картофель был обращен полностью или в части в личную пользу ответчиков.

Поэтому, поскольку в этом случае ответчики, производя реквизицию, действовали как должностные лица, облеченные властью, рассмотрение вопроса о законности их действий должно было быть произведено в порядке административного обжалования и лишь по признанию их действий преступными или неправильными на них мог бы быть обращен гражданский иск за убытки, происшедшие от их преступных действий, независимо от того, поступило ли отобранное имущество в их пользу, или нет. Народный же суд не только не учел этих данных дела, но оставил без всякого обсуждения представленный ответчиками в подлиннике приказ коломенского упрототдела от 18 января 1919 г., на основании которого они действовали.

По этим соображениям определено: решение по настоящему делу в части взыскания 72 мер картофе́ля с Елагина, Тихонова и Козлова признать не имеющим силы и отменить, передав дело для нового рассмотрения в другой народный суд Коломенского уезда.

III.

Суд не может без предъявления и обсуждения гражданского иска вознаграждать участников уголовного процесса за счет конфискованного.

Приговором по делу народного суда 1-го участка Мурманского уезда, Архангельской губ., от 8-го марта с. г. установлено, что 3-го марта с. г. сторожевыми судами РСФСР мурманского рейда задержано было промышлявшее на расстоянии 10¹/₂ миль от русского побережья судно-тральник «Стонхуберт X» № 493, принадлежавшее английской рыболовной компании Св. Андрея, каковым фактом и признан нарушенным декрет Совнаркома от 24 мая 1921 г. «об охране рыбных и звериных угодий в Северном Ледовитом океане и Белом море» (Собр. Узак. № 19—1921 г.). Констатируя нарушение декрета, народный суд определил: названное судно-тральник со всеми его приспособлениями и снаряжениями и грузом, на нем находящимися конфисковать в пользу РСФСР, с освобождением капитана сего судна Лейтона и судовой команды от всякого наказания и отчислением в их пользу 10% с имеющегося на судне рыбного улова.

Народный Комиссариат Юстиции отмечает следующие, допущенные народным судом, явные нарушения Положения о Народном Суде и руководящих начал по уголовному праву РСФСР:

1) признание по делу конфискации судна, как высшей меры, установленной приведенным декретом Совнаркома репрессии, народным судом совершенно не мотивировано, как того требует смысл 75 ст. Положения о Народном Суде;

2) освобождением обвиняемого Лейтона от наказания нарушена также и 23 ст. того же Положения, не предоставляющая народным судам права помилования, каковое право принадлежит только ВЦИК. Кроме того, перенесение центра тяжести обвинения на отсутствующего в суде предпринимателя рыболовной компании неверно и незаконно, так как уголовный суд должен иметь перед собой физическое лицо, совершившее преступление, которым является капитан судна, как администратор и его хозяин во время плавания. Не выдерживает никакой критики сопоставление, с одной стороны, капитана и команды, а с другой, иностранной рыболовной компании. Капитан и команда в социальном и юридическом отношении противоположны друг другу;

3) с этой точки зрения постановление о частичном отчислении в пользу капитана Лейтона и судовой команды конфискованного рыбного улова, — каковым постановлением, как это усматривается из сопоставления приговора с объяснениями обвиняемого Лейтона, народный суд имел в виду вознаградить названных лиц за труды их по службе у судовладельцев, — явно неправильно и нарушает ст.ст. 4 и 75 Положения о Народном Суде; подобного права вознаграждения обвиняемого, хотя по суду и оправданного, а тем менее лиц, по делу не привлекавшихся,

и в нем в качестве гражданских истцов не участвовавших, закон судебным органам, вообще, не предоставляет;

4) неясным объявлением порядка обжалования, с неправильной при том ссылкой на 47 ст. Положения о Народном Суде, нарушена также, как ст. 75 сего Положения, так и 76 ст. его, каковым обстоятельством заинтересованные лица могли быть введены в заблуждение относительно права и порядка сего обжалования, и

5) весь приговор, таким образом, постановлен с явным нарушением закона и, хотя на суде капитан Лейтон отказался от обжалования, что, конечно, несколько не связывало его в подаче кассационной жалобы в совет народных судей, приговор подлежит отмене в порядке надзора со стороны Наркомюста.

На основании изложенного НКЮ, руководствуясь п. «а» ст. 2 Положения о Высшем Судебном Контроле, определил: приговор народного суда по настоящему делу в полном его объеме отменить и обратить это дело к новому рассмотрению.

IV.

Несовершеннолетние родственники умершего не могут быть лишены права пользования усадьбой.

Родители истцов Сахаровых скончались в 1914—1915 г.г., а 27 октября 1917 г. скончался их дед со стороны матери А. И. Говядинкин, оставивший после себя дом с усадьбой, в котором все они жили. Истцы Сахаровы были малолетними в возрасте около 12—14 лет и оформить свои права на имущество они не смогли, равно как и удержать его в своем распоряжении, и очутились на службе: А. Сахарова на фельдшерском пункте, а Г. Сахаров в работниках у частного лица. Местный возмезддел, при таком положении, взяв этот дом на учет, как пустующий, предоставил его 31 марта 1919 г. гр. А. А. Горбунову, секретарю мышкинского уездного политбюро.

7-го июля 1920 года Анна Сахарова, указывая на вышеизложенные обстоятельства, обратилась в народный суд 1-го уч. Мышкинского уезда, Ярославской губ., с просьбой признать за ней и ее братом право на дом и усадьбу деда и выселить гр. Горбунова, как не имеющего к этому владению никакого отношения. 5-го июля 1920 г. состоялось постановление мышкинского уездомдела, коим право на дом и усадьбу было признано за ними, а Горбунову было предоставлено лишь временное помещение в нем совместно с Сахаровыми до приискания себе нового помещения, а 27-го июля того же 1920 года ярославский губземотдел отменил это постановление на том основании, что ранее Сахаровы связи с землей не имели, почему и постановил определение уездомдела отменить, а утвердить постановление возмезддела о предоставлении усадьбы исключительно гр. Горбунову. Народный суд 9-го ноября 1920 г. признал право на дом за истцами Сахаровыми, а губсовнарсад 26-го мая 1921 г. это решение отменил и дело, как неподсудное, производством прекратил, а все производство почему-то, без всякой просьбы и жалобы, постановил препроводить на рассмотрение НКЮ, как выражается губсовнарсад «для восстановления законности и справедливости, ставшаяся на стражу законов республики и, в особенности, интересов малолетних».

Между тем, именно с этой точки зрения, казалось бы, не следовало создавать излишней и ничем не вызванной волокиты, а разрешить настоящее дело в точном соответствии с действующими декретами.

В самом деле, в данном деле 2 вопроса: первый о праве Сахаровых на распоряжение помертным имуществом их деда и второй о предоставлении гр. Горбунову права пользования усадьбой в порядке распределения помещений. Первый из них подлежит разрешению местного совета, а при несогласии с ним, народного суда, второй — земорганов и это основано на общем правиле должно быть хорошо усвоено судебными органами республики. В этом отношении, — поскольку местный совет оставил неразрешенным вопрос о праве Сахаровых на усадьбу деда, — несомненно, этот вопрос подлежал ведению народного суда, к которому обратилась Сахарова, и решение его в части определения прав Сахаровых совершенно правильно. Сахаровы являются внуками умершего владельца Говядинкина, поэтому на основании 9 статьи декрета об отмене наследования, народный суд совершенно правильно признал за ними право непосредственного пользования и распоряжения имуществом, оставшимся после гр. Говядинкина.

Вопрос об оставлении в дальнейшем, ввиду состоявшегося признания за ними прав на спорное имущество, этой усадьбы в пользовании гр. Горбунова, которому она передана возмездно лишь временно на правах аренды за плату, вносимую ежемесячно, подлежал уже ведению местных земорганов, как учреждений, ведающих распределением жилых помещений и с этой стороны постановление яргубземотдела не может иметь решающего значения, как состоявшееся до окончательного решения суда. Во всяком случае, решение суда, определяющее право на получение помертного имущества и пользование, хотя бы это имущество и состояло из усадьбы оседлости, имеет для жилищных и земельных органов обязательную силу.

Народные суды, в особенности, совнарсуды, обязаны разбирать все дела, поступающие на их рассмотрение, давая им нужное направление во всех случаях, и не вправе приостанавливать производство и пересылать дело в НКЮ под предлогом «охраны и восстановления законности и справедливости», ибо эта охрана законности и справедливости, именно, и составляет первейшую работу и обязанность судебных органов, которые, усматривая какую-либо незаконность, обязаны сами дать надлежащее движение делу.

По этим соображениям НКЮ определил:

1) Постановление ярославского губсовнарсуда от 26-го мая 1921 года о прекращении настоящего дела признать не имеющим силы и отменить и поставить ему на вид указанную выше неправильность направления дел в НКЮ без всякого законного к тому основания, тем более, что цель, ради которой дело было направлено в НКЮ — охрана интересов несовершеннолетних, могла бы быть осуществлена утверждением решения народного суда.

2) Решение народного суда оставить в силе. Обратиться в Центрозем об отмене решения губземотдела.

V.

О неправильном применении амнистии совнарсудом.

Некоторые ответственные работники Старичского уезда, Тверской губ. за распитие самогонки и дискредитирование советской власти приговорены 28 июля 1921 г. особой сессией при старичском уюсте к 11½

годам лишения свободы, а другие — к лишению свободы условно. Из имеющегося в деле решения совнарсуда от 19 января видно, что при отношении тверского губотюста от 31 декабря дело вышеупомянутых обвиняемых направлено в совнарсуд по вопросу о применении к ним амнистии от 4-го ноября 1921 года и совнарсудом постановлено: по отношению к обвиняемым, приговоренным к 11½ годам лишения свободы, срок наказания по амнистии сократить наполовину с оставлением их на принудительных работах без содержания под стражей, а приговоренных к лишению свободы менее одного года освободить от наказания полностью и все дело направить в Наркомюст для санкции.

Такой необычайный порядок применения амнистии совершенно законом не предусмотрен и противоречит ст.ст. 2 и 9 декрета об амнистии. Ст. 2 точно указывает степень сокращения наказания, а согласно ст. 9 применение амнистии возложено на губернские распределительные комиссии. Перевод осужденных к лишению свободы на принудительные работы без содержания под стражей амнистией не предусмотрен. Таким образом, совнарсуд незаконно принял к своему производству вопрос о применении амнистии, неправильно такую же применил и, не дожидаясь санкции НКЮ, предложил губисправителю привести немедленно в исполнение свое постановление.

А потому Коллегия Отдела Судебного Контроля определила:

постановление совнарсуда от 9-го января 1922 года признать не имеющим законной силы и приговор народного суда немедленно привести в исполнение. Вместе с тем, обратить внимание тверского губотюста на неправильное направление им дела в совнарсуд по вопросу о применении амнистии вместо обычного порядка рассмотрения таких дел губернскими распределительными.

Дело возвратить в особую сессию при старичском уюсте. О вышеизложенном сообщить в тверской губотюст. Копию определения сообщить в 1-й отдел НКЮ для принятия репрессивных мер против заведующего отюстом и состава совнарсуда.

VI.

Загс обязан исполнить приказ судьи об исправлении записи имени рожденного.

Нарсуд 4-го участка Середского уезда, рассмотрев 29 мая 1920 года просьбу гр. Рябикова об исправлении на основании ст. 15 кодекса об актах гражданского состояния ошибки при регистрации имени сына и принимая во внимание, что ошибка произошла по незнанию родителей, так как в православных святцах нет имени Станислава, и что двух имен у мальчика быть не должно, определил:

Сына Рябиковых, родившегося 3 октября 1919 г., именовать «Валерием», о чем сделать соответствующее исправление в книге рождений губ. загса.

В Отдел Судебного Контроля дело представлено в порядке надзора по сообщению костромского губзагса, что решение не может быть исполнено, так как по циркуляру Центрозагса НКВД от 28 июня 1920 г. № 11332/233 перемена имен не разрешается, и, кроме того, что соображения судьи о том, что в «православных святцах» нет того имени, которое записано родителями в книгах, — вообще недопустимы.

Народный Комиссариат Юстиции нашел: что циркуляр Центрозагса касается перемены имен на основании ст. 50 кодекса (о перемене фамилии) и никакого

отношения к ст. 16 кодекса, говорящей об исправлении записи по приказу судьи, не имеет.

Народный судья в таком вопросе, как признание имени ребенка, не затрагивающем ничьи интересы, мог пойти навстречу заявлениям родителей, признав ошибку в наименовании ребенка при регистрации, и хотя ссылка судьи на «православные святы» недопустима, но ясно, что ссылка эта являлась только изложением фактического положения и не нарушает основного правила гражданской регистрации, что имя ребенка дается по желанию родителей, какое угодно. В настоящее время, по прошествии почти двух лет, отменить решение судьи и опять создавать затруднения родителям Рябиковым в их бытовых условиях нецелесообразно, ибо от одного случая ошибки народного судьи принципы закона несколько не пострадают.

По изложенным соображениям Коллегия Отдела Судебного Контроля определила: постановление иваново-вознесенского губернского съезда от 19 мая 1921 г. о прекращении дела, как вынесенное по вступлении решения народного судьи в законную силу, отменить, а решение народного суда 4-го участка Середского уезда оставить в силе и предписать костромскому губзасгу исполнить таковое. Предписать председателю совнарсуда вызвать лично народного судью, вынесшего решение, и дать ему надлежащие инструкции и разъяснения по данному вопросу. Копию настоящего определения сообщить Центрозасгу НКВД и для исполнения костромскому губоту.

VII.

Иск о передаче недвижимого имущества, как вознаграждение за 15-летнюю работу, скрывает незаконный акт дарения.

По иску гр. Марии Бутузовой к отцу Михаилу Торопову о вознаграждении за 15-летнюю работу 12-го июля 1920 года вследствие признания и согласия ответчика народный суд 7-го района Рыбинского уезда определил признать все имущество Торопова в селении Орловское, Сретенской волости, собственностью дочери, истицы Бутузовой, а именно: усадьбную землю, посевную площадь с двором и весь живой и мертвый инвентарь.

Исполнительный лист по этому делу истица Бутузова получила 21 августа того же года. В деле этом не принимал никакого участия брат истицы, Александр Торопов, состоявший с 1914 года до 1917 г. на военной службе, а с 1917 г. на фабрике Гознак в качестве милитаризованного.

Из дела видно, что Михаил Торопов умер и сын его Александр Торопов заявлением от 3-го октября 1921 г. ходатайствует о признании означенного выше решения суда не имеющим законной силы и о возобновлении дела по вопросу о судьбе и управлении оставшимся после Михаила Торопова имуществом.

Рассмотрев дело народного суда, Народный Комиссариат Юстиции нашел, что состоявшееся по делу между отцом Тороповым и его дочерью Бутузовой решение, независимо от вопроса о праве пользования землей и строениями, а также живым и мертвым инвентарем, как принадлежностью сельского хозяйства, скрывает в себе акт дарения, так как из решения суда видно, что оно имеет целью закрепить за истицей Бутузовой, дочерью ответчика, право собственности на все движимое и недвижимое имуще-

ство, находившееся во владении ответчика Торопова.

Решение это, ввиду нарушения декрета о дарении (Собр. Узак. 1918 г., № 43) и декрета о социализации земли (Собр. Узак. 1918 г., № 25), не может оставаться в силе и дело по иску Бутузовой к Торопову о передаче ей прав пользования всем имуществом его должно быть прекращено.

Что же касается ходатайства брата истицы, Александра Торопова, о допущении его к управлению оставшимся после смерти Михаила Торопова имуществом, то это ходатайство подлежит рассмотрению не в виде возобновления дела по иску Бутузовой, в котором заявитель не принимал никакого участия, а в порядке ст.ст. 9 и 10 декрета об отмене наследования.

На основании изложенного Народный Комиссариат Юстиции определил:

решение народного суда 7-го района Рыбинского уезда от 12-го июля 1920 года признать не имеющим законной силы и дело по иску Бутузовой прекратить, предоставив сторонам разрешить вопрос о порядке управления оставшимся после смерти их отца Михаила Торопова имуществом установленным законом порядком.

VIII.

Суд не должен предоставлять на согласие сторон толкование решения.

Народный Комиссариат Юстиции по Отделу Судебного Контроля, рассмотрев дело по иску Седунова к Матвеевой о возврате вещей, нашел:

1) жалобщик никаких доводов к отмене решения не указывает, ссылаясь просто на его несправедливость, почему жалоба его не может быть уважена;

2) решение суда выражено в словах: «предоставить им (сторонам) общие вещи поделить по согласию», что, конечно, не является решением дела, так как истец именно и обратился в суд с иском о возврате ему вещей ввиду отсутствия соглашения по этому поводу, поэтому на обязанности суда лежало не признание того и ничего не дающего права, а определенное указание вещей, которые должны быть возвращены истцу ответчицей.

Поэтому НКЮ определил: жалобу Седунова оставить без последствий, но предписать народному суду постановить дополнительное решение по делу с точным указанием тех предметов, которые подлежат выдаче истцу ответчицей.

IX.

О порядке применения судебного моратория к красноармейцу.

Народный Комиссариат Юстиции по Отделу Высш. Судебного Контроля, рассмотрев дело народного суда 6 участка Витебского уезда и губернии по иску Коплевой к Зенькову о содержании ребенка и себя самой за время нетрудоспособности от родов, нашел:

1) Доводы жалобщика о применении к нему моратория, установленного для красноармейцев, несостоятельны, так как судебный мораторий, т.е. отсрочка предъявления и рассмотрения исков, установлена только для красноармейцев, находящихся не в месте расположения суда, разбирающего их дело (ст. 5 декр. СНК от 21 октября 1919 г.; Собр. Узак. № 51, ст. 505). В данном же случае ответчик Зеньков нахо-

дился именно в районе народного суда 6 уч. Витебского уезда и губернии, что доказывается тем, что не только повестка с вызовом к народному суду, но и в совнарсуд вручена ему именно в дер. Боровляны и, напротив того, повестка совнарсуда, посланная ему по указанному адресу в войсковую часть осталась неврученной, кроме того, постоянная камера народного суда 6 участка находится именно в гор. Витебске, где и та часть, в которой служит по его заявлению гр. Зеньков.

2) Повестка с вызовом к суду должна быть признана врученной, так как имеет подписи лица, которому она была вручена для передачи, и старшего милиционера, ее вручившего, при таком положении опровергать факт вручения возможно было бы лишь путем признания служебного подлога со стороны должностного лица, совершившего вручение, чего в данном случае нет. Вручение повесток для передачи при отсутствии вызываемого в момент вручения является жизненной необходимостью и последствия непередачи и ответственность перед вызываемым несет лицо,

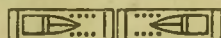
принявшее повестку. Факт нахождения в деле обоих экземпляров повестки сам по себе ничего не объясняет, ибо на обоих имеется те же подписи, свидетельствующие о вручении.

3) Неполнение порядка объявления отцовства, предусмотренного в ст.ст. 140—145 кодекса об актах гражданского состояния, не имеет значения, так как вследствие этого вопрос об установлении происхождения ребенка из бесспорного переводится в спорный и отнюдь не лишает мать права доказывать и вне этого порядка происхождение его от данного лица.

4) Определение суммы, долженствующей быть выдаваемой на содержание матери во время ее нетрудоспособности и ребенка, принадлежит суду, разбирающему дело по существу.

5) Остальные возражения ответчика относятся к фактическим обстоятельствам дела, оценка коих также всецело принадлежит суду, разбирающему дело.

По этим основаниям жалоба гр. Зенькова оставлена без последствий.

ХРОНИКА.

Вместо предъявления законного иска нарушение прав Республики.

Американская фирма «М. Вульфсон и Ко» имела в Иркутске контору и склады для покупки и экспорта мехов. В мае—июле 1920 года эти склады были секвестрованы и товары поступили в распоряжение губмеха. Фирма «М. Вульфсон и Ко» предъявила в Нью-Йорке судебным порядком иск к РСФСР о возмещении стоимости секвестрованных товаров, называя это конфискацией, и в обеспечение иска наложен арест на денежные суммы, принадлежащие РСФСР и находящиеся в National City Bank.

Постановлением ВСНХ от 30 января 1919 года о введении пушной монополии и постановлением Наркомпрода, НКВД, НКВД и К-та Хоз. Пол. об изъятии всех складов, принадлежащих иностранцам, предусмотрен порядок возмещения стоимости товаров, отошедших в обладание Республики; фирма «М. Вульфсон и Ко» пренебрегла этим указанным в законе способом и предпочла обратиться к иностранному суду: конечно, она могла поступать, как ей угодно, но суд, стоя всецело на почве законности, должен был бы, казалось, остановиться на том, что его власть ни в какой степени не может распространяться на иностранное ему государство. В таком предъявлении иска, какой избрала фирма «М. Вульфсон и Ко», неправильно все, начиная с места предъявления иска, ибо

в пределах С.-Амер. Соед. Штатов находится лишь делегация Рабоче-Крестьянского Правительства, уполномоченная только на определенные действия, а иск нельзя предъявлять по месту нахождения поверенного. Представительства другого государства всегда пользуются правом экстерриториальности (внеземельности) со всем имуществом, в том числе и принадлежащими ему суммами, т.-е. считаются как бы находящимися вне территории принявшего его государства и какие бы то ни было меры принудительного характера в отношении его могут быть приняты только, как акт международного политического значения, но отнюдь не как воздействие судебной власти, которая в силу этого принципа не может распространяться ни на лиц, ни на имущество иностранной делегации. Арест денег, принадлежащих РСФСР, является, таким образом, ничем неприкрытым нарушением суверенных прав республики, неприкосновенности нашей делегации, общепризнанного принципа экстерриториальности и, в конечном итоге, ничем неоправдываемым пасивизмом, совершенным к тому же в интересах единичной и случайной торговой фирмы.

Такое, именно, заключение дано НКЮ к которому поступил запрос НКВД по этому поводу.

† Г. Н. Резников.

9-го апреля с. г. умер после двукратной операции (язва желудка) народный судья Сокольнического района г. Москвы Георгий Никитич Резников. Советская юстиция понесла незаменную утрату в лице покойного, как опытного пролетарского судьи. Тов. Резников—рабочий-печатник—был выдвинут на пост судьи райкомом РКП, членом которой он состоял. В октябрьские дни 1917 года покойный принимал самое активное участие, работая в штабе красной гвардии Сокольнического района. С самого начала советской

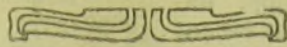
власти он участвовал в строительстве советского аппарата в районе, а затем с марта 1918 года был послан партией на работу в народный суд.

Отличался пролетарской стойкостью, вдумчивостью в работе, исключительной аккуратностью и добросовестностью к делу, тов. Резников был скромней не только всем своим обликом, но и на каждом шагу своей судебной деятельности. Такие незаметные, но в то же время незаменимые советские работники—

являются тем фундаментом, благодаря которому крепка Рабоче-Крестьянская Республика. За четырехлетнюю работу в советской юстиции покойный, не обладая образованием, приобрел значительное знание советского права и был учителем для других рабочих, которые занимали впервые пост судьи. Работоспособность и энергия тов. Резникова при его возрасте

(46 лет) и болезненности заставлял удивляться более молодых его товарищей по работе.

Только революция смогла выдвинуть и создать такого судью-рабочего, который на судебной работе был не только судьей, но и революционером и человеком, чутко относившимся к интересам трудящихся. Вечная память, тебе, дорогой товарищ!

БИБЛИОГРАФИЯ

„Народное Право“, журнал Тверского Совнарсуда.

Передо мною № 1 журнала, издаваемого в Твери под названием «Народное право».

Когда смотришь на книжку журнала, издаваемого в провинции, проникаешься заранее особым уважением, так как знаешь, какая нужна энергия для выпуска журнала.

Однако, детальней, а не по обложке, ознакомившись с журналом, получаешь мнение далеко не восторженное.

Оказывается, что большая часть журнала занята перепечаткой декретов, инструкций НКЮ, циркуляров и циркулярных разъяснений, резолюций IV всероссийского съезда деятелей юстиции.

Взвешивая первую часть, которая, как говорится в предисловии, посвящена дискуссионным и иным статьям из области советской юстиции.

Вот боевой вопрос: «о введении прокуратуры». Я внимательно читал эту статью и пришел к заключению, что товарищ, написавший эту статью, хорошо знаком с теми функциями, какие надлежит выполнять прокурору. Но какой-нибудь оригинальной мысли во всей статье не нашел. Все это уже обсуждалось, обо всем этом писали.

Худшее впечатление производит статья «Краткий обзор карательной политики». Чем-то приторным, необычайно кисло-сладким так и разит от всего содержания этой статьи. Совершенно отсутствует трезвое, правдивое отношение к делу работника с мест.

Неужели Тверь представляет такое счастливое исключение и ее исправдом является образцом порядка, чистоты и благоустройства.

Поменьше вредного чванства. Нам еще много и много поработать надо, чтобы создать съезные исправительно-трудовые места заключения. И к этому нужно стремиться со всей энергией и без громких трескучих фраз. Статья начинается торжественным предисловием: «Вехи Октябрьской Революции искупают законодательную детализацию. Сегодня мы получаем права гражданства». Выходит, что за все время революции мы еще не были гражданами в полном смысле слова, а с приходом пана мы обрели полноправие. Далее автор пишет: «Многое продумано и взвешено за период революции и, казалось, можно быть спокойным за будущее. Но это не так. Возьмем современную карательную политику и остановимся на изучении ее достоинств и недостатков».

По тов. Одинцову (автору этой статьи) перед нами вся проблема революционного движения уже разрешена—остается лишь углубиться в изучение современной карательной политики. Автор очень жа-

леет, что съезд не углубился в достаточной степени «в изучение этого больного места истории человеческой культуры с ее ужасающими инстинктами».

Нельзя отказать автору статьи в немалой дозе сентиментальности. Анализируя современного преступника, он находит, что таковой нуждается в «медико-педагогическом воздействии».

Не просто исправлять преступников, взяточников, всяких шантажистов, холманов и других им подобных, приучая их к тяжелому труду, а тов. Одинцов предлагает бережно относиться к ним и лелеять, как ребенка. Автор такую параллель и проводит и говорит: «ударить ребенка за шалость, не объяснив ему все отрицательные стороны его поступка и не указав пути исправления—значит ничего не сделать».

Вся статья написана в духе непротивления злу.

Несколько ценных строк о том, что в земледельческой стране, каковой является Россия, необходимо больше внимания обратить на создание сельскохозяйственных колоний, все же не искупает всей той скуки, какую неминуемо должна навеять эта статья на всякого читателя.

И еще одна статья «Уголовный Кодекс РСФСР». На 6-ти страницах печатается ряд статей из общей и особенной части проекта Уголовного Кодекса НКЮ, сопровождаемый иногда весьма краткими пояснениями, не вносящими ничего нового в содержание основного проекта. По существу, это просто перепечатка и непонятно, почему это идет в виде статьи.

Я не желаю быть взыскательным к провинциальным товарищам, которые, возможно, руководствовались самыми лучшими намерениями.

Но для чего создавать журнал, где девять десятых является перепечаткой, и лишь одна десятая наполнена материалом, хотя и самостоятельного местного творчества, но весьма мало полезного. Зачем тратить для этого энергию? Для чего тратить бумагу и народные деньги. Если у автора есть желание писать, делиться впечатлениями о работе на местах (что очень ценно), то издаваемый в центре журнал мог бы служить для этой цели. Для информации же о декретах и инструкциях издание специального местного органа является, пожалуй, слишком дорогим удовольствием при отсутствии хотя бы небольшого основного ядра литературных работников.

Следует отметить отдел в журнале под заглавием: «Из кассационной практики Тверского Губсовнарсуда»—безусловно единственный интересный отдел, где находит себе отражение деловая часть работы губсовнарсуда.

Надо признать, что кассационная практика совнарсуда, в общем, удовлетворительна, насколько можно судить по опубликованным определениям. Однако, в своих определениях совнарсуд иногда подходит к делу только формально. Так, например, приводя текстуально приговор народного суда 2-го района Зубовского уезда, совнарсуд лишь указывает, что у суда не было оснований к штрафованию, а потому приговор отменил, не делая никаких выводов, никаких замечаний по поводу достойного Щедрина стиля, которым изложен этот приговор. Привожу реолютивную часть его полностью: «Народный Суд, приняв во внимание обстоятельства дела, объяснения сторон, показания свидетелей и всесторонне осветив дело,

пашел следующее: тяжущиеся между собою—в сватовстве, т.е. Ивана Яковлева дочь находится в замужестве за сыном истицы Сергеевой, следовательно, нельзя понять, истины: давала ржи, кормила дочь, вышла принципиальность! Суд! А, следовательно, судебная волокита, в общем, какой-то заколдованный круг, из какового один выход—обе стороны штрафовать».

Комментарии к этому приговору не требуются. А совнарсуд, ничего, как будто все в полном порядке и единственный дефект при разборе данного дела недостаточно юридическое понимание и применение народным судом статей Положения о Нарсуде.

И. Р.

Письмо в редакцию.

Помещенная в № 11 «Еженедельника» статья моя «Меры пресечения в действующем праве» снабжена примечанием редакции, указывающей, что мною не учтен опыт советской юстиции в данном вопросе и, в частности, не принят во внимание циркуляр НКЮ от 14 апреля 1921 г. за № 14. В виду этого считаю необходимым сделать нижеследующее разъяснение.

Освещая в статье своей, среди других вопросов, и вопрос об основаниях подследственного ареста, я упоминал лишь о положении, существующем в западно-европейском праве и принятом проектом «Положения о порядке производства уголовных дел». Что же касается действующего права, то на мой взгляд эта частности могла быть обойдена в виду недостаточной отчетливости существующего положения вещей. Эта последняя, между прочим, имеет и потому, что, с одной стороны, инструкции следователям, изданная НКЮ (примечание к ст. 28-й), основаниями подследственного ареста считает лишь опасение по-

бега и сокрытия следов преступления; с другой же стороны, имеются отступления от этого правила в виде циркуляра НКЮ от 14 апреля 1921 г., № 13. Подробно разъяснять и устранять имеющиеся в действующем праве противоречия я не считал возможным в статье, имеющей совершенно другие задачи, нежели толкование действующего права. Кроме того, не представлялось возможным сослаться на указанный выше циркуляр № 13 еще и потому, что он относится к преступлениям лишь определенной группы должностных лиц (членов исполкомов) и поэтому имеет ограниченное значение, не отменяя общего положения, проводимого в инструкции следователям.

Изложенное, полагаю, достаточно уясняет общую систему, положенную в основу статьи о мерах пресечения, и устраняет предположение об оставлении автором статьи без надлежащего внимания действующего права и практики.

Проф. М. Гродзинский.

Почтовый ящик.

Ввиду многочисленных запросов юридического характера «Еженедельник» будет отвечать письмами только своим подписчикам, отвечая в журнале на наиболее ценные принципиальные вопросы. Просьба к подписчикам—присылать марки по запросу, требующему ответа письмом.

Правозащитнику Нестерову (ст. Нижне-Чирская 2-го Донского округа). Описанные вами факты о незаконной муниципализации дома сообщены на распоряжение Главного Управления Коммунального Хозяйства НКВД. Заинтересованному лицу надлежит обжаловать действия окрисполкома в губисполком и затем в ВЦИК.

Подписчику Суздальцеву (Муром). 1) Закладные крепости на дома следует считать утратившими силу, так как декретом от 20 августа 1918 г. (Собр. Узак. 1918 г., № 62) ни о каком праве владельцев закладных не говорится.

2) Векселя, выданные до издания вексельного устава (№ 72 «Известий ВЦИК» от 30 апр. 1922 г.), не имеют вексельной силы, в том числе и выданные до 1917 г.

3) Публичная продажа дома за долги

невозможна, так как противоречит декрету от 8 авг. 1921 г., устанавливающему определенные ограничения в приобретении недвижимостей и имеющему в виду лишь добровольные сделки с домами. Возможно обращение взыскания на доходы с недвижимости.

4) Фактические или юридические преемники имущества умершего отвечают по всем претензиям кредиторов к этому имуществу. Они же вызываются в суд ответчиками. При неправоеспособности суд требует назначения опекуна.

Народному судье Карпинскому. Статья «Условное осуждение» не подходит. Для нас бесспорно, что условное осуждение применяется только в отношении осужденных к лишению свободы. Статья 36 проекта Уголовного Кодекса изложена так: «когда преступление, по которому определено наказание в виде лишения свободы, совершено осужденным впервые, при тяжелом стечении обстоятельств в его жизни, и когда степень опасности осужденного для общества не требует обязательной отлучки его и даже назначения ему принудительных работ, суд может применить к нему условное

осужденные, т. е. постановить о неприведении обвинительного приговора в части, касающейся лишения свободы, в исполнение до совершения осужденным тождественного с совершенным преступления.

Новорусскому (Самара). Статья ваша «Усыновление и голод» не помещается, так как на эту тему ранее получения от вас уже принята статья от другого автора (смотри № 13 «Еженедельника» — «Вопросы действующего семейного права»). Просьба писать на другие темы.

Буторову (Курск). Для занятия адвокатурой, как профессией, нужно быть зачисленным в коллегию защитников через отдел юстиции (декрет скоро будет опубликован). Так называемая «подпольная» адвокатура будет преследоваться. Юридическая помощь, хотя бы за плату, не имеющая характера профессии, случайная, — если не является эксплуатацией невежества и специфическим кляузничеством, законом не запрещена. Но неопубликованному еще декрету об адвокатуре суд может допустить по отдельному делу защитником или поверенным любого гражданина, известного ему и заслуживающего особого доверия. При разрешении земельных дел применяются судопроизводственные правила, установленные в народном суде.

Заведующему следственным отделом екатеринбургского губревтрибунала. 1) Вопрос о наказании провокации взяткипринимателя не предусмотрен действующими законами. Но уже в проекте Уголовного

Кодекса статьей 110 определенно карается не ниже 3-х лет провокация взятки должностным лицом, т. е. «заведомое создание обстановки и условий, вызывающих предложение взятки в целях последующего изобличения дающего взятку».

Если необходимые элементы провокации будут доказаны, то, конечно, дающий взятку не несет наказания, — а самый объект (взятка) подлежит возвращению собственнику (вообще же, взятка конфискуется).

2) По другому вопросу, в каком объеме обязательно для следователя определение трибунала и распоряжение председателя и вправе ли трибунал насилловать совесть и убеждение следователя, уже создавшееся у него по определенному делу, то, прежде всего, основания прекращения дела точно указаны в ст. 10 инструкции следователям ВРТ. Если трибунал, вопреки заключения следователя, находит в данном деле состав преступления, то, возвращая дело тому же следователю, указывает те данные или приводит те соображения, по которым по означенному делу должно быть противоположное заключение и, конечно, в таких случаях это определение трибунала для следователя обязательно.

В трибунальской же практике обыкновенно не наблюдается указанных вами коллизий. Распорядительное заседание или председатель трибунала, если не согласны с заключением следователя (помимо случаев доследования), направляют дело другому следователю.

ОФИЦИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ.

Постановление Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров.

Положение о векселях.

Ст. 1. Векселем называется долговое денежное обязательство, выданное одной стороной (векселедателем) другой стороне (векселедержателю) в письменной форме с соблюдением требований настоящего положения и оплаченное установленным гербовым сбором. Векселя бывают простые и переводные. По всем векселям устанавливается особая ответственность участников и особый порядок удовлетворения (вексельная сила).

Отдел 1. О переводных векселях.

Ст. 2. Простой вексель под страхом утраты вексельной силы должен непременно содержать в себе все следующие указания: а) означение места и времени (года, месяца и числа) составления векселя, б) наименование выдаваемого обязательства словом «вексель» на том же языке, на котором написано само обязательство, в) не ограниченное никакими условиями и оговорками обещание векселедателя произвести платеж определенной суммы денег, выраженной в золотых рублях или в валюте, имеющей хождение в пределах Советской Федерации и написанной прописью, г) наименование лица, которому или по приказу которого платеж должен быть произведен, д) назначение срока платежа, е) подпись векселедателя.

Примечание 1. Всякие поправки в тексте векселя, изменяющие его содержание, должны быть оговорены перед подписью векселедателя. В означении вексельной суммы не допускаются никакие поправки. Вексель может быть подписан за векселедателя, не имеющего возможности лично подписать вексель (по неграмотности, болезни,

слепоте и т. п.), другим лицом по его просьбе, что должно быть удостоверено нотариальным органом или народным судьей.

Примечание 2. Для облегчения написания векселей прилагаются примерные формы векселей и передаточных надписей.

Ст. 3. Платеж по векселю производится по имеющей хождение в пределах Советской Федерации валюте и в тех случаях, когда вексельная сумма выражена в золотых рублях, исчисляется по курсу, установленному Госбанком ко дню платежа. По векселям, писанным за границей в иностранной валюте с платежом в пределах Советской Федерации, а равно по векселям, писанным в пределах Советской Федерации с платежом за границей, предъявляемым к платежу в пределах Советской Федерации, вексельная сумма переводится на имеющую хождение в пределах Советской Федерации валюту по установленному Госбанком ко дню платежа курсу.

Ст. 4. Срок платежа по векселю может быть лишь одним для всей вексельной суммы и устанавливается одним из следующих способов: а) на определенный день с указанием года, месяца и числа, б) во столько-то времени от составления векселя, в) по предъявлении, г) во столько-то времени по предъявлении. Вексель, писанный сроком по предъявлении или во столько-то времени по предъявлении, должен быть предъявлен к платежу в течение года со дня составления, если в векселе нет особых указаний по этому поводу. Вексель сроком по предъявлении подлежит оплате в день предъявления.

Ст. 5. Если в векселе место платежа не указано, то им считается место составления векселя.

Ст. 6. Первый векселедержатель вправе передать вексель другому лицу. Каждый приобретатель векселя имеет право дальнейшей передачи его. Вексель может быть передаваем как одному, так и нескольким приобретателям, но без дробления вексельной суммы.

Ст. 7. Вексель передается по передаточной надписи, совершаемой на оборотной стороне векселя. Передаточная надпись должна содержать в себе подпись лица, передающего вексель, и может быть или именной, если в ней означен новый приобретатель, или бланковой, если в ней не сделано такого означения. В последнем случае каждый приобретатель векселя вправе передать его другому лицу без новой надписи простым вручением.

Примечание. Поправки в надписях допускаются оговоркою их за надлежащей подписью передающего. Надпись о передаче, зачеркнутая в полном ее составе, считается уничтоженной.

Ст. 8. Векселедержатель при передаче векселя вправе поместить в передаточной надписи оговорку «без оборота на меня». Если такая оговорка будет зачеркнута, то она считается уничтоженной в том лишь случае, когда об уничтожении ее сделана отметка за подписью лица, учинившего первоначально безоборотную надпись.

Ст. 9. Все лица, подписавшие вексель и сделавшие на нем передаточные надписи, ответственны перед векселедержателем, как совокупные должники.

Векселедержатель может предъявить требование каждому из них в отдельности, не будучи связан порядком последовательности, в которой они принимали на себя обязательство.

Такое же право принадлежит каждому обязанному по векселю, который оплатил его.

Осуществляя свое требование против одного из обязанных по векселю лиц, векселедержатель не теряет своих прав против обязанных, равно как против лиц, следующих за тем, кто первым привлечен к плате.

Ст. 10. Каждому векселедержателю, независимо от прав предшественника, принадлежат все права, вытекающие из векселя. Исключается лишь тот случай, когда вексель выбыл из владения последнего помимо его воли и векселедержатель об этом знал или должен был знать при обычной в торговом обороте предусмотрительности.

Ст. 11. В случае неплатежа по векселю, предъявленному к платежу, он должен быть опротестован векселедержателем в неплатеже порядком, указанным в ст. 12-й.

Ст. 12. Для совершения протеста векселедержатель должен предъявить вексель в нотариальный орган, а в случае отсутствия такового, в место платежа — народному судье, на следующий день после срока, в который векселедатель обязался уплатить по векселю. В тот же день нотариальный орган или судья предъявляет лично или письменно требование о платеже обязанным по векселю лицам и, если до 3-х часов следующего дня платеж по векселю не поступит, нотариальный орган или народный судья в тот же день протестует вексель путем записи о протесте в особом реестре и отметки на самом векселе.

Ст. 13. В случае неплатежа, удостоверенного протестом в порядке, указанном в ст. 12-й, ответственность по векселю определяется по правилам ст.

9-й. Надписатель, учинивший передаточную надпись после совершения протеста, не подлежит обратной ответственности в порядке сего положения.

Ст. 14. Векселедержатель, учинивший протест, может требовать как с векселедателя, так и с надписателей: а) по векселю, сумма коего выражена в золотых рублях, неуплаченную вексельную сумму с процентами из расчета 6 процентов годовых, считая со дня срока платежа по день удовлетворения, б) по векселю, сумма коего выражена в валюте, имеющей хождение в пределах Советской Федерации, неуплаченную вексельную сумму с процентами в размере учетного процента, установленного Госбанком по активным операциям ко дню протеста, и пеню в половинном размере этих процентов. Сверх того, взыскиваются связанные с протестом издержки.

Примечание. Приведенное требование не может быть предъявлено к тому из надписателей, который устранил от себя обратную ответственность помещением перед своей подписью слов: «без оборота на меня».

Ст. 15. Если неоплаченный вексель не был своевременно опротестован, то надписатели освобождаются от ответственности по векселю, но векселедатель остается ответственным по векселю и векселедержатель вправе требовать от него в течение трех лет неуплаченную сумму с процентами из расчета: а) 6 процентов годовых по векселю, сумма коего выражена в золотых рублях, и б) в размере учетного процента, установленного Госбанком по активным операциям ко дню срока платежа по векселю, сумма коего выражена в валюте, имеющей хождение в пределах Советской Федерации.

Отдел II. О переводных векселях.

Ст. 16. Переводным векселем (траттой) называется письменное предложение векселедателя (трассанта) третьему лицу (трассату) уплатить должную сумму векселедержателю, соединенное с обязанностью трассанта, в случае отказа трассата исполнить предложение, самому произвести платеж указанной денежной суммы векселедержателю.

Ст. 17. Переводный вексель, под страхом утраты вексельной силы, должен непременно содержать в себе следующие указания: 1) означение места и времени (года, месяца и числа) составления векселя; 2) наименование выдаваемого обязательства слогом «вексель» или равнозначущими терминами на том же языке, на котором написан само обязательство; 3) наименование плательщика по векселю (трассата); 4) предложение плательщику произвести платеж по векселю; 5) означение лица, которому должен быть произведен платеж; 6) означение прописью подлежащей платежу суммы, выраженной в золотых рублях или в валюте, имеющей хождение в пределах Советской Федерации; 7) означение срока платежа или места жительства плательщика; 8) подпись векселедателя (трассанта).

Ст. 18. Передача переводных векселей производится по правилам, установленным для простых векселей, со следующими дополнениями. Передаточная надпись может быть совершена и на трассате, независимо от того, принял ли он тратту или нет, на векселедателя и на всякое другое обязанное по векселю лицо. Надписатель при отсутствии противоположной отметки отвечает как за платеж, так и за принятие тратты.

Ст. 19. Переводный вексель до истечения срока

каждым, в чьих руках находится, трассату по его местожительству для принятия (акцепта).

Ст. 20. Векселедержатель может предписать в векселе, чтобы он был предъявлен к принятию в течение определенного срока.

Ст. 21. Векселедержатель не обязан оставлять в руках у трассата предъявленный к принятию вексель. Трассат может потребовать, чтобы вексель для учинения акцепта был ему вновь предъявлен через день после первого предъявления.

Ст. 22. Принятие векселя отмечается на нем словом «принят», «акцептован» или др. однозначным выражением и должно быть подписано трассатом. Простая подпись трассата на лицевой стороне векселя также считается принятием.

Если вексель выписан на определенный срок по предъявлении или он должен, согласно специальной оговорки, быть предъявлен к принятию в определенный срок, то в надписи о принятии должен быть указан и день, в который последовало принятие.

Ст. 23. Принятие должно быть безусловным; оно может быть, однако, ограничено частью вексельной суммы.

В каком другом сделанное в надписи о принятии отклонение от содержания векселя считается отказом в принятии. Однако, сделавший такую надпись трассат отвечает по содержанию сделанной им надписи.

Ст. 24. Принятие векселя обязывает трассата оплатить его в срок платежа.

В случае неуплаты векселедержатель, если даже он является векселедателем, получает право требования по векселю непосредственно к трассату.

Ст. 25. Трассат, уплативший вексельную сумму, может требовать от векселедержателя вручения оплаченного векселя. Векселедержатель не может отказываться от частичного платежа и в этом случае трассат может требовать соответствующей отметки на векселе и выдачи ему расписки.

Ст. 26. Если трассат отказывается принять вексель, то векселедержатель может, не выжидая срока платежа, предъявить обратное требование к надписателям, векселедателю и др. обязанным по векселю лицам.

Ст. 27. Отказ в принятии должен быть засвидетельствован установленным порядком протеста (ст. 12).

Протест в неприятии должен быть совершен в течение срока, назначенного для предъявления векселя к принятию. Если вексель предъявляется первый

раз в последний день этого срока, то протест можно совершить еще на следующий день.

Если совершен протест в неприятии, то по отношению к трассату уже не требуется ни предъявления к платежу, ни протеста в неплатеже.

Ст. 28. Векселедержатель должен уведомить своего непосредственного предшественника и векселедателя о несостоявшемся принятии или о неплатеже в течение 3-х дней, следующих за днем протеста. Уведомление должно последовать в письменной форме.

Ст. 29. Переводный вексель может быть составлен, по требованию первого приобретателя, в нескольких экземплярах одинакового содержания, имеющих образцы. В тексте каждого из них должно быть означено, который он по счету (первый, второй, третий и т. д.).

В противном случае каждый образец считается самостоятельным векселем.

Ст. 30. Если платеж произведен по одному из нескольких образцов векселя, то остальные теряют силу.

Ст. 31. Держатель образца, на котором уже значится вексельные надписи, имеет право обратного требования к обязанным по векселю лицам, если удостоверит протестом: а) что отправленный для принятия образец не был ему выдан лицом, у которого он был оставлен на хранение, и б) что по находящемуся у него образцу ни принятия, ни платежа не последовало.

Отдел III. О вексельной давности.

Ст. 32. Иск по протестованному векселю может быть предъявлен векселедержателем к векселедателю простого векселя и к акцептанту переодного в течение 3-х лет со дня наступления срока платежа по векселю, а к надписателям и трассату — в течение 9-ти месяцев со дня учинения протеста в неплатеже.

Ст. 33. Надписатель, коим вексель оплачен, может предъявить иск к предшествующим надписателям в течение 6-ти месяцев со дня оплаты им векселя. По истечении 3-х лет со дня наступления срока платежа по векселю предъявление исков между надписателями не допускается.

Председатель ВЦИК М. Калинин.

За Председателя Совета Народных Комиссаров
А. Цюрупа.

Секретарь ВЦИК А. Енукидзе.

20 марта 1922 г.

(Опубликован 30/III. «Изв. ВЦИК», № 72).

Постановление Народного Комиссариата Финансов о переходе к счету на рубль образца 1922 г.

В целях упрощения денежных расчетов и в виду достаточно насыщенности денежного обращения денежными знаками образца 1922 г., выпущенными согласно декрета от 3 ноября 1921 г., Народный Комиссариат Финансов постановил:

1. Перейти с 1 мая 1922 г. к счету на рубль образца 1922 г., равный 10.000 р. всех ранее выпущенных образцов.

2. Обязать как государственные, так и все учреждения и предприятия, обязанные публичной отчетностью, к указанному сроку перечислить все балансовые счета в рубль образца 1922 г. и в дальнейшем вести все записи в рублях указанного образца.

3. При бухгалтерских записях и подсчетах в денежных знаках образца 1922 г. суммы менее 50 коп. округлять до 50 коп., а суммы, превышающие 50 коп., округлять до полного рубля.

4. Обязать все государственные учреждения и предприятия с 1 мая 1922 г. все денежные расчеты как государственных учреждений и предприятий между собою, так и с частными предприятиями и лицами исчислять в рублях образца 1922 г., причем переход на новое исчисление ни в коем случае не должен влечь за собою или служить поводом к пересмотру и изменению размера установленных до 1 мая цен, ставок, тарифов, обязательств и пр.

5. Считать обязательства, договоры и другие денежные документы, составленные до 1 мая 1922 г., заключенными в рублях прежних образцов, если в них не оговорено, что они заключены в рублях 1922 г.

6. Начиная с 1 мая 1922 г., все обязательства, договоры и другие документы составлять с исчислением в рублях образца 1922 г., при чем, во избежание ошибок и злоупотреблений, во всех денеж-

ных документах до 30 июня, вслед за обозначением суммы, добавлять «выпуска 1922 г.».

7. Все денежные знаки прежних образцов сохраняют полностью свою платежную силу и обязательны к приему как государственными учреждениями и предприятиями, так и частными предприятиями и лицами из расчета — 10.000 руб. дензнаков прежних выпусков равны одному рублю образца 1922 г.
Замнаркомфин Г. Сокольников.

Декрет Совета Народных Комиссаров об обращении золота, серебра, платины, драгоценных камней и иностранной валюты.

В отмену ст. 11 и 12 декрета Совнаркома о порядке реквизиции и конфискации имущества частных лиц и обществ («Собр. Узак.» 1921 г., № 70, ст. 564) и во изменение декрета Совнаркома о распределении добываемого золота и платины («Собр. Узак.» 1921 г., № 52, ст. 298), ст. 8-й и 2 части ст. 2-й декрета Совнаркома о золотой и платиновой промышленности («Собр. Узак.» 1921 г., № 74, ст. 604), декрета Совнаркома о поручении Наркомфину производить покупку золота, платины и иностранной валюты («Собр. Узак.» 1921 г., № 80, ст. 694), ст. 1-й декрета Совнаркома о сделках с иностранной валютой и драгоценными металлами («Собр. Узак.» 1921 г., № 80, ст. 698), Совет Народных Комиссаров постановил:

1. Отменить обязательную сдачу государству имеющихся у населения золота, серебра, платины и металлов платиновой группы в изделиях, слитках и монете, а равно драгоценных камней и иностранной валюты.

2. Допустить свободное распоряжение указанными

в ст. 1-й металлами в изделиях и слитках и драгоценными камнями.

3. Сохранить за Госбанком монопольное право на покупку и продажу золотой, серебряной и платиновой монеты и иностранной валюты.

4. Все приобретаемые Госбанком благородные металлы и иностранную валюту зачислять в особый валютный фонд Госбанка, не включаемый в общегосударственный золотой фонд.

5. Допустить вывоз благородных металлов в слитках, изделиях и монете, иностранной валюты и драгоценных камней, ценностью в общем не свыше пятидесяти руб. золотых по курсу Госбанка на каждое выезжающее лицо без особого на то разрешения, а свыше пятидесяти рублей на одно лицо — лишь по особому разрешению Наркомфина.

За председателя Совета Народных Комиссаров
А. Рыков.

Управляющий делами **Н. Горбунов.**
Секретарь **Л. Фотиева.**

Москва, Кремль, 4 апреля 1922 года.

Циркуляры Наркомюста

Циркуляр № 28.

Всем Отделам Юстиции.

Кодекс об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве (Собр. Узак. 1918 г. № 76, 77, ст. 818) устанавливает, что расторжение браков может совершаться как отделами записей актов гражданского состояния, так и народными судами.

Но при этом необходимо иметь в виду, что народным судам предоставлено лишь право делать постановления о расторжении брака, производить же какие-либо отметки в личных документах разводящихся народные суды не могут.

Народные суды обязаны выдавать лицам, браком они расторгли, особые об этом расторжении брака удостоверения (ст. 97); отметки же в документах (трудовых книжках и т. п.) на основании таких удостоверений могут делать лишь подлежащие административные органы и, прежде всего, отделы записей актов гражданского состояния.

Всем отделам юстиции надлежит принять меры к точному и неуклонному исполнению всеми подведомственными им народными судами вышеизложенного разъяснения.

Народный Комиссар Юстиции **Курский.**

31 марта 1922 года.

Циркуляр № 29.

II.

Всем Отделам Юстиции, Совнарсудам и Ревтрибуналам.

Охрана Народного Комиссариата Финансов существует на основании приказов Реввоенсовета республики за № 1352 — 1919 г., за № 1549 — 1920 г. и согласно разъяснения управдел Реввоенсовета республики от 28-го декабря 1921 г. за № 29599/45978, каковая скопструирована применительно к уставам рабоче-крестьянской красной армии, в силу которых все служащие охраны исполняют военнотрудовые обязанности.

В виду изложенного НКЮ предлагает всем судебным органам РСФСР в отношении привлечения к судебной ответственности и приговора к тем или иным наказаниям рассматривать лиц, находящихся на службе в охране НКФ, как военнотрудовых, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Народный Комиссар Юстиции **Курский.**

31 марта 1922 года.

Циркуляр № 26.

III.

Всем Отделам Юстиции, Совнарсудам и Ревтрибуналам.

В виду сообщения РВСР, что неуказание в приговорах нарсудов и ревтрибуналов, касающихся военнотружущих, к какой именно части, учреждению или ведомству военного ведомства принадлежит осужденный, вызывает большие затруднения по возвращении выписки на наказание в свою часть и перегружает работу фиксированную в воинских частях норму еды. НКЮ предлагает всем судебным органам точно указывать в приговорах о военнотружущих, к какой именно части, учреждению или ведомству военного ведомства принадлежит осужденный военнотружущий красноармеец.

Народный Комиссар Юстиции Курский.

29 марта 1922 года.

Циркуляр № 30.

IV.

Всем Отделам Юстиции.

В виду того, что декретом 4 марта 1920 г. нац. Комиссариат Юстиции возложено наблюдать за деятельностью комиссий по делам несовершеннолетних, циркуляром НКЮ 1920 г., № 33, п. 7, губюстам было предложено в представляемых, вертям года, докладах в Народный Комиссариат ни сообщать сведения о функционировании ко- по делам несовершеннолетних.

Как по инструкции означенным комиссиям Узак. и Распор. Прав., № 68, 1920 г.) ко- о своей работе представляют ежемесячно отчеты ответствующие губюсты, то последние должны гать совершенно точными цифровыми данными льности и движения дел в упомянутых комис- губернии.

Ако, из поступивших в Наркомюст докладов в за истекшие годы (1920 и 1921 г.) усма- я, что в ряде докладов совершенно не имеется на деятельность комиссий по делам несо- летних, в большинстве же докладов деятель- званных комиссий уделяется мимоходом не- браз общего характера, из которых не пред- я возможным выленить постановку дела в в губернии. Цифровые же данные о дви- л в комиссиях почти везде отсутствуют.

ду изложенного, а также принимая во вни- обходимость для НКЮ располагать полным оным материалом по означенному вопросу нике, Народный Комиссариат Юстиции пред- м губюстам при представлении докладов за тверсть текущего года сообщать по при- формуляру*) сведения о деятельности ко- губернии, а также, согласно п. 8 выше- у инструкции, представить аякетные листы

отчетности разосланы Наркомюстом почтой. Редакция.

на всех членов комиссии по делам несовершеннолетних по форме, указанной в циркуляре НКЮ № 37, 1921 года, рассылаемой для всех ответственных работников по НКЮ.

Народный Комиссар Юстиции Курский.

5 апреля 1922 г.

Циркуляр № 31.

V.

Всем Отделам Юстиции и Губернским Советам Народных Судей.

Из поступающих с мест сведений усматривается, что некоторыми народными судами принимаются к своему производству дела по искам, предъявляемым отдельными гражданами к продорганам о возмещении за неправильно отобранное продовольствие при заготовке его государством в порядке ныне отмененной продразверстки.

В связи с этим Народный Комиссариат Юстиции считает необходимым преподать нижеследующие разъяснения.

До издания декрета ВЦИК о замене продразверстки натуральным налогом (Собр. Узак. 1921 г., № 26, ст. 147) государственная заготовка продовольствия производилась путем изъятия от населения излишков с применением круговой поруки; такое изъятие являлось актом чисто административным, а том реквизиции, предусмотренным также и специальным законом о реквизициях и конфискациях (Собр. Узак. 1920 г., № 29, ст. 143). Жалобы по делам о такого рода реквизициях подлежали разрешению исключительно в административном порядке. Иной порядок, установленный п. 17 декрета 17 октября 1921 г. (Собр. Узак. 1921 г., № 70, ст. 564), к этим делам неприменим, поскольку самим декретом не при- даго его действию обратной силы. Предъявление таких исков к продорганам является неправильным еще и потому, что при существовании круговой поруки нельзя было говорить об излишке, взысканном с того или иного отдельного гражданина; распределение же под- лежащего внесению количества продовольствия между плательщиками лежало, в конечном счете, на сель- ском обществе, а потому лишь к последнему возможно было предъявление подлежащих исков.

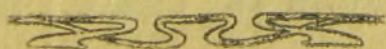
В виду изложенного Народный Комиссариат Юстиции предлагает: 1) прекратить все производящиеся в народных судах дела по искам, предъявляемым к продорганам и вытекающим из ныне отмененной продразверстки;

2) все дела подобного рода, по которым состоялись вошедшие в законную силу решения, представить в Наркомюст для отмены решений в порядке Высшего Судебного Контроля (2 отдел).

3) Об исполнении настоящего циркуляра сообщить в п/отдел суднадзора 1-го Отдела Наркомюста.

Народный Комиссар Юстиции Курский.

5-го апреля 1922 г.

**Циркуляр Верховного Трибунала при ВЦИК № 27 ревтрибуналам
Московской, Тверской, Архангельской, Вологодской, Владимирской, Иваново-Вознесенской, Калужской, Костромской, Нижегородской, Рязанской, Рыбинской, Тульской и Ярославской губерний.**

Из поступившего в Верховный Трибунал ВЦИК заявления командования Московского военного округа явствует, что военные отделения губревтрибуналов в губерниях, входящих в Московский военный округ, оторвались от жизни гарнизонов и, недостаточно оценивая свою роль в деле воспитания красной армии и искоренения в ее рядах преступности, не проводят по отношению к преступным деяниям военнослужащих должную карательную политику с быстротой и силой, необходимой в воинских частях.

Верховный Трибунал ВЦИК предлагает:

А. Президиумам и председателям военных отделений губревтрибуналов в Вологодской, Владимирской, Иваново-Вознесенской, Калужской, Костромской, Ярославской, Тульской, Тверской, Московской, Нижегородской, Рязанской губерниях, состоящих на военном положении, обратить военные отделения на рассмотрение исключительно воинских преступлений; все же остальные дела, подсудные военному отделению (бандитизм и т. д.), рассматривать в основном отделении губревтрибунала.

Б. Президиумам и председателям военных отделений губревтрибуналов в Архангельской и Рыбинской губерниях рассматривать дела о воинских преступлениях вне всякой очереди.

Председателям военных отделений, указанных выше губревтрибуналов: 1) установить тесную связь с военным командованием губерний; 2) достигнуть максимума быстроты в расследовании и рассмотрении указанных дел, приблизив время рассмотрения дел к моменту совершения преступления; 3) проявлять самую широкую инициативу по возбуждению дел указанной категории, предложив военным органам губерний все возникающие дела по воинским преступлениям, не предусмотренные ст. 42 дисциплинарного устава РККА издан. 1919 г., направлять для предварительного суждения в военное отделение губревтрибунала; 4) поставить ряд показательных процессов о воинских преступлениях в красноармейской среде; 5) публиковать приговоры об этих преступлениях в красноармейской прессе и отдавать их в приказ.

Как общая и обязательная директива, указывается на необходимость усиления репрессии по делам о воинских преступлениях, вообще, и по нарушению воинского устава и воинской дисциплины — в частности.

Периодически, каждые две недели, представлять отчетность о движении указанных дел в Верховный Трибунал ВЦИК.

Зав. управлением суднадзора **Рогинский.**

Зав. инструкт.-ревиз. частью **Дебрев.**

Издатель: Народный Комиссариат Юстиции.

Редактор: Редакционная Коллегия.

К сведению обязательных подписчиков.

Редакция „Еженедельника Сов. Юстиции“ доводит до сведения обязательных подписчиков, что „Еженедельник“ высылается бесплатно следующим учреждениям: губотюстам, (4 экз. на все п/отделы), губсовнарсудам (3 экз. на все отделы), убуостам (1 экз.), нарсудьям, нарследам и судиспам (по 1 экз.). Всем не перечисленным выше учреждениям, как-то: особым сессиям при убуостах, консультантам, нотариальным столам и т. д. „Еженедельник“ бесплатно не высылается.

Редакция доводит до сведения убуостов, народных судей, следователей и судебных исполнителей, что по техническим причинам рассылка „Еженедельника“ непосредственно по нарсудам, следователям и судисполнителям в настоящее время весьма затруднительна. Временно журнал высылается в убуосты для распределения по уезду. Просьба к убуостам, не приславшим сведений о судах, следователях и судебных исполнителях, прислать таковые сведения в самом срочном порядке (см. об'явления в №№ 2-5).